

Муниципальное учреждение
"Мелеузовская централизованная библиотечная система"
Центральная детская библиотека

ВОЕННОГО ДЕТСТВА СТРАНИЦЫ

Мелеуз 2010

Встреча воспитанников Мелеузовского детского сада с фронтовиком, прибывшим в краткосрочный отпуск

Военного детства страницы: сборник воспоминаний детей военного времени: дайджест: библиографический указатель / сост. Т. Н. Абрамова. - Мелеуз, 2010. - 53 с.

Тропинками войны уходит детство

Течет река времени. Минуло более полувека с того незабываемого и страшного дня, когда настужь распахнулись огромные, от Баренцева до Черного моря, двери войны. Много воды унесла река времени с тех пор. Заросли шрамы окопов, исчезли пепелища сожженных городов, выросли новые поколения. Но в памяти человеческой 22 июня 1941 года не просто роковая дата, она как рубеж, начало отсчета долгих 1418 дней и ночей Великой Отечественной войны нашего народа.

Сколько бы лет ни прошло с того трагического дня, когда началась война, в памяти народной всегда будут живы безмерные страдания военных лет и огромное мужество народа. Не ради славы воевали и погибали люди, ради жизни на земле...

Труднее всех на войне было детям. Наравне со взрослыми они стояли у станков, пахали в поле, сеяли хлеб, ждали возвращения родных с фронта. Они встретили войну в разном возрасте кто-то совсем крохой, кто-то подростком, кто-то был на пороге юности. Война застала их в столичных городах и маленьких деревеньках, дома и в гостях у бабушки, в пионерском лагере, на переднем крае и в глубоком тылу.

Ребенок, прошедший через ужас войны, что помнит он? Что может рассказать? Оказывается, многое... Они могут рассказать, как умирали от голода и страха, как тосковали, когда наступило 1 сентября 1941 года, и отцы не смогли их проводить в школу, а занятия отодвигались на неопределенное время. Как, только встав на ящик, дотягивались до станков и в свои десять - двенадцать лет работали по двенадцать часов в сутки. Как получали на погибших отцов похоронки. Как, увидев после войны первый батон, не знали, можно ли его есть, потому что забыли за четыре года, что такое белый хлеб. Привычнее были лепешки из травы. Мелеузовские дети войны никогда не забудут тяжелое военное время, и делятся воспоминаниями с нами, современниками, не знавшими войны, чего стоило ожидание Победы, когда в одночасье было потеряно беззаботное детство. Не взирая, сколько тебе было лет - пять или пятнадцать.

Каково жилось тогдашним мальчишкам и девчонкам в рабочем поселке Мелеуз и в окрестных деревнях?

Шел неторопливый июнь сорок первого. Мелеузовцы, занимались своими привычными, мирными делами.

Числа 20 июня с парома, который служил переправой через реку Белую в районе деревни Тюляково, сорвалась машина, перевозившая жмых. Само собой, новость быстро разнеслась по поселку, и мелкий рыбачий люд устремился на рыбалку, справедливо полагая, что вся рыба станет там на кормежку. Рыбачьи страсти кипели среди мальчишек, стать самым удачливым и принести домой самый большой улов стало делом чести.

Поэтому, еще до восхода солнца, Володя Песков и его друзья отправились на рыбалку. Удача сопутствовала сорванцам, уже к обеду, они подходили к автобазе с тремя куканами рыбы, почти у каждого. По мере приближения к жилью, они поняли по встревоженным лицам взрослых, что что-то произошло, сомнения рассеялись у репродуктора, вокруг которого уже толпился народ, слушая обращение Молотова о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз и объявлении отечественной войны против агрессора.

Песков, В. Н. Наше детство военное нам не забыть [Рукопись] : воспоминания из детства / В. Н. Песков: записала Т. Н. Абрамова. – Мелеуз, 2010. – 1 с.

Родился я в 1929 году, 3 апреля, в селе Зирган Мелеузовского района, в семье колхозников. Был средним ребенком из троих детей. В 1936 году пошел в первый класс ШКМ (школы колхозной молодежи). Моя первая учительница – Посашкова (в девичестве Павленко) Анна Афанасьевна.

В 1939 году отца – Николая Сергеевича переводят в Мелеуз в районный земельный отдел. Здесь я пошел в 4 класс средней школы № 1 (деревянная школа). Мать – Пескова Устинья Васильевна работала в колхозе «Смычка».

Через реку Белую ходил паром, это в районе деревни Тюляково. Точно не помню 20 или 21 июня 1941 года с парома в реку упала машина, груженная жмыхом. Весь этот жмых ушел на дно, и это привлекло много рыбы. И многие люди, особенно мальчишки, рыбачили там. Вот и мы, с друзьями 22 июня, часов в 6 утра отправились на рыбалку. Рыбы наловили быстро, по несколько куканов, и отправились домой. Было это часов в 10 утра. Прошли автороту (теперь АТП), стали встречаться люди и все говорили, что началась война. Возле репродуктора было много людей, мы тоже остановились и слушали обращение Молотова.

В декабре 1941 года отец ушел на фронт. Воевал на Ленинградском и Волховском фронтах. Был дважды ранен. После тяжелой контузии был зачислен в интендантскую службу. В этой должности и встретил победу. Демобилизовался офицером запаса.

В годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов мальчишкой работал в колхозе «Смычка». Девиз того времени: «Все для фронта, все для Победы». Работать приходилось

пахарем, сеяльщиком, жнецом, конюхом, и еще приходилось «доить костер». «Костер» - это трава такая, вот в период ее созревания нужно было собирать с нее семена. Зимой 1942-1943 гг. я в школе не учился, а работал в колхозе. Часто приходилось ездить в Стерлитамак на лошадях. Мы возили туда мясо и другие продукты с обозом. Дорога занимала около трех суток в одну сторону. Часто на дороге встречались телеги с замерзшими людьми. В 1944 году стал пятнадцатилетним бригадиром 2-й бригады колхоза «Смычка».

В 1945 году я работал шофером. 8 мая уехал в Стерлитамак. Туда увез продукты, а оттуда должен был загрузить уголь. В Стерлитамаке мы ночевали, а рано утром вахтер громко кричала: «Война кончилась». И мы с такой радостью порожняком поехали домой, в Мелеуз. По дороге мы сажали в машину всех людей - попутчиков. Когда приехали в Мелеуз, то здесь уже знали о Победе. Радость была у всех в глазах, лица людей просто светились от счастья. На площади собрали митинг. Во второй половине дня нас отправили в

*Фото отца на фронт
Наказ отца не бросать
инструмент - выполняется*

*Владимир Песков
в годы войны*

Ермолаевку, за зерном. Но мы не смогли подняться на Поташкину гору, потому, что к этому времени пошел снег, и дорога стала очень скользкой, машины просто не могли ехать.

Маша Вохмина среди подруг слыла мастерицей, и самая близкая ее подруга **Аля Чугунова** давно уже просила её сшить одежды для кукол. И в тот солнечный летний день девочки забрались на сеновал, где они всегда секретничали. К ним со своими куклами присоединились сестра Маши - **Зина** и общая подружка **Маша Анисимова**, они разложили своих кукол, и началось обсуждение какую куклу, в какой наряд облачить. Через некоторое время, **Зина** спустилась домой принести что-нибудь покушать, и узнала от мамы, что началась война. Девочки спустились с сеновала слушать радио.

Вохмина (Пескова), М. Ф. А память возвращает нас в детство [Рукопись] : воспоминания / М. Ф. Вохмина (Пескова); записала Т. Н. Абрамова. – Мелеуз, 2010. – 1 с.

К началу войны я закончила четвертый класс. Жили мы на улице Сталина (ныне - улица Гагарина). Мама отдала меня в так называемую «кичигинскую» школу. Директором в ней была Кичигина Анна Федоровна. Школа наша располагалась там, где сейчас находится церковь. Мой отец – **Вохмин Федор Никитич**, умер в 1937 году.

Моя мама – **Вохмина Пелагея Петровна**, работала билетером в кинотеатре им. Крупской, затем – продавцом в сельпо, и потом - до пенсии – в буфете в милиции.

В 1941 году в Мелеузе открылась новая школа – на улице им. Кирова, и нас перевели в новую

школу. Во время учебы в школе приходилось работать – помогать Родине. Сажали, пололи, копали картошку. В колхозе «Смычка» был конный двор, там мы ухаживали за молодыми лошадьми: нужно было их почистить, покормить, убрать их стойбище. Когда лошадки подрастали и крепили, их отправляли на фронт.

Возле Завода сухого молока в то время был сушильный завод. Мы там чистили картошку, затем ее сушили и отправляли на фронт. Еще приходилось там бить яйца, их тоже сушили – получался яичный порошок.

Мальчишки ходили на Поташкину гору – пилили дрова, чтобы отапливать школу. Тетрадей у нас не было приходилось писать на небольших обрывках бумаги, а иногда и в книгах между строк.

Питались мы конечно плохо. Основная наша пища картошка, да еще корова выручала – всегда было молоко. А вот хлеба не было – мама пекла лепешки из травы.

*Мария Федоровна Вохмина
(Пескова)*

В 1943 году я вступила в комсомол. Для нас это было большое событие, гордость переполняла каждого, мы чувствовали свою причастность к судьбе нашей Родины.

После восьмого класса, летом 1945 года, я пошла работать в «Заготзерно» - там давали паек мукой.

У нас дома было радио – знаменитая «тарелка». Рано утром мы услышали сообщение об окончании войны. Я бежала по улице, к бабушке, стучала во все окна и всем говорила: «Война кончилась! Война кончилась!». Это была большая, всеобщая радость. Люди вывешивали на домах красные флаги. Чаще всего это были: просто лоскут красной ткани или красная рубашка.

После войны я перешла работать в швейный цех – выучилась на мастера. Потом пошла работать в детский дом преподавать труды. После того как детский дом перевели в Ермолаевку, работала в школе №3. И затем, до пенсии, в школе №7.

....по району началась мобилизация. Отцы и братья уходили на фронт. Стоны, всхлипы, женский плач стоял над землей. Из Дарьино до Мелеузовского военкомата провожали на лошадях, там пересаживали на полторки, а лошади ложили морду на задний борт и провожали своих хозяев до самой Самаровки...

Оглоблина, Р. И. Трудные детские годы [Рукопись] : воспоминания / Р. И. Оглоблина. - Дарьино, 2010 . – 1 с.

Родилась я 7 июля 1934 года в селе Дарьино, вторым ребенком. А всего нас, детей у родителей было пятеро.

В 1942 году отец – Голансков Иван Андреевич ушел на фронт. Провожали на лошадях до Мелеуза. Я помню как мы с братом залезли на конек дома, и оттуда хорошо видели, как провожали мужчин из нашей деревни от Мелеуза до Самаровки. На фронт увозили на полторке. Лошади ложили морду на задний борт и провожали своих хозяев до самой Самаровки.

Мама, Голанскова Домна Иосифовна работала в колхозном огородничестве, а зимой ткала сито из конского волоса.

В селе остались старики и дети. Потом, с фронта стали приходить раненые. Председатель сельсовета, эвакуированная женщина, не помню ее фамилию.

Ходили обычно в лаптях, а по праздникам в ступнях.

В то время питались летом: трава коневник и лопухи, лучок, редька, после посева собирали горох оставшийся после посева на земле. Ходили в 3 часа ночи за стручками, чтобы не поймал обходчик. Хлеб зимой: лебеда, краснушка – семена мололи и пекли из них пампушки. Спичек не было: оставляли жар в печи, а утром разжигали этим жаром печь.

В классе было много человек до зимы, зима начинается – кому ходить не в чем, сидит дома. В Самаровке была школа до четырех классов и в Карагане. А потом в пятый класс ходили в Дарьино. В школе было семь классов. Первый, второй, третий, четвертый – один учитель да еще по два класса объединяли.

Дети с матерями ходили полоть просо и пшеницу от сорняков, все делали вручную.

Всем селом убирали сначала одно, потом другое поле. Пололи поля кок-сагыза – растения, похожего на одуванчик – из него делали резину. Люди были дружные и сплоченные, работая в поле, пели песни.

Косари крюками косили хлеб, а за ними другие работники вязали снопы и клали в телеги. Сколько снопов наложишь, столько стаканов муки получишь. Все старались, как можно больше наложить снопов.

Корова была одна на два двора. Сначала один двор доит потом другой. Овцы были не у всех. В войну было очень много волков, несмотря на то, что леса поблизости не было. Велся отстрел.

Налоги были большие. Государству сдавали мясо, шерсть, яйца и молоко.

Был на селе медпункт – фельдшер Сычкова Евдокия Петровна.

Дома стояли без изгородей, крыты соломой. Окна одинарные. Было радио – всей семьей слушали сводки Информбюро. Был почтальон, которого ждали всем селом.. Лампы были керосиновые. Только в 1956 появилась лампочка Ильича. Стирать приходилось белой глиной и золой. Вещи донашивали друг за другом.

По радио узнали, что кончилась война. Мне было десять лет.

Отец вернулся домой в августе 1945 года. Домой пришел ночью, мать, не узнав его голос, не пускала его домой. Потом сбегала ко всем соседям и к брату, который убирал в поле хлеб. Брат начал работать с одиннадцати лет – был прицепщиком, а в тринадцать лет стал работать трактористом. Отец привез в подарок по гребеночке для волос и банку тушенки килограмма три весом. Тушенку давали на паек, а он все привез домой. Отец был ранен в руку два раза.

...Помню, как началась война. Отец был на работе, пришел домой и стал целовать нас с сестрой, мы в это время сидели дома, на печке, играли:

Усманова, А. Д. Я помню начало войны [Рукопись] : воспоминания / А. Д. Усманова (в девичестве Жонина). – Дарьино, 2010. – 1с.

Родилась я 10 июля 1936 года, в селе Дарьино.

Помню, как началась война. Отец был на работе, пришел домой и стал целовать нас с сестрой, мы в это время сидели дома, на печке, играли. В этот же день отца – Жонина Дмитрия Михайловича, забрали на фронт. С матерью – Жониной Акулиной Степановной мы ждали письма с фронта. Мама работала в колхозе, мы с сестрой, чем могли, помогали ей.

В 1943 году я пошла в первый класс. Школа была деревянная, отапливалась дровами. Дрова заготавливали ребята – школьники. Ездили в лес на санях, рубили старые деревья и отапливали школу. Урок длился 40 – 45 минут. Одежду для школы матери шили сами из юбок, штанов, холста. Из холста шили сумки. Многие ходили в лаптях, некоторые шили обувь из толстовок – в этом и ходили. Зимой, чтобы не мерзнуть, надевали отцовские ботинки. Когда не было чернил, разводили сажу или красную свеклу

В пузырьёк от одеколона наливали молоко и брали с собой в школу, чтобы на перемене перекусить с ржаной лепешкой.

Тоня Женина (в центре) с мамой и младшей сестричкой Валей (на стуле) и двоюродной сестрой Антониной

Мой 4 класс

В 1944 году пришла похоронка на отца.

В 1952 году я закончила семь классов, в селе школа была семилетка.

Чтобы продолжить образование я ходила учиться в Мелеуз, здесь я жила на квартире.

...Осень 1941 года. 1 сентября залиvistый школьный звонок в школах не прозвенел. Война внесла свои коррективы даже в школьную жизнь: дети всю осень работали на колхозных полях...

Хорсунов, В. И. Мы росли мужиками [Рукопись] : воспоминание / В. И. Хорсунов; записала Т. Н. Абрамова. – Мелеуз, 2010. – 1 с.

Родился я в деревне Липовке, в 1930 году, в семье нас было трое детей. Я – самый младший. Отец мой – Хорсунов Иван Анисимович умер в 1932 году. Мать – Ефросинья Евдокимовна, после смерти отца вступила в колхоз и работала кладовщиком. А в 1935 году она заболела и умерла. После этого председатель сельского совета настаивал, чтобы нас, осиротевших, отправить в приют, но мамина сестра Мелихова Марфа Евдокимовна забрала нас к себе, в свою семью. Ее муж Мелихов Яков Павлович – очень хороший, добрый человек. С началом войны он был призван в трудовую армию. Работал он в Стерлитамаке на стройке иногда приходил домой. И вот в один из таких посещений он заболел, но к врачу сразу не обращались, а когда повезли в Мелеуз в больницу, то в дороге он и умер. После этого мы перешли жить к деду.

В школу я пошел в 1937 году. Школьный звонок 1941 прозвенел с опозданием на месяц. Война внесла свои коррективы даже в школьную жизнь. К концу года я закончил четвертый класс. Шла война, и я пошел работать в колхоз. Мне доводилось делать разную работу: и пахать, и сеять на сеялке, и траву и хлеб косить. Я очень рано научился хорошо косить крюком. Крюк – это коса, к которой прикреплены специальные «рожки» которые не дают возможности колоскам распадаться в разные стороны, и благодаря этому скошенные хлеба хорошо связывались в снопы. Но косить крюком очень трудно, гораздо труднее, чем просто косой.

По окончании войны я пошел в пятый класс. Но в Липовке была только начальная школа, и мне пришлось ходить в село Дарьино. Зимой я там жил на квартире, а весной и осенью каждый день ходили пешком. Летом мы всегда работали в колхозе, и если не успевали убрать хлеба, то нас оставляли работать до первого октября, и только

потом мы начинали учиться.

С 1950 по 1953 годы я служил в армии.

...в колхозе труд был тяжелым, все работы выполнялись вручную.

Санкина, А. В. В школе я училась мало... [Рукопись] : воспоминание / А. В. Санкина; записала Т. Н. Абрамова. – Троицкое, 2010. – 1 с.

В школе я училась всего три класса. В четвертом классе мне учиться не пришлось. Нужно было идти работать в колхоз, так как я в семье старшая, а мама моя сильно болела.

Мой отец Прокудин Василий Никанорович в 1941 году ушел на фронт, а уже в 1942 году пришла похоронка.

В колхозе труд был тяжелым, все работы выполнялись вручную. Основные орудия труда: коса, вилы, грабли, тямка. Приходилось полоть; бороновать на коровах, быках, лошадях; косили и скирдовали сено; вязали снопы; молотили вручную.

Питались мы скудно. Выручало нас то, что сажали много картошки и держали корову, да травы разные кушали. Тем и спасались.

...по разному сложился учебный год в разных деревнях, в Сарышево, дети сели за парты только в 1944 году ...

Кускильдина, Р. А. Всплеснется детства дальний год [Рукопись] : воспоминание / Р. А. Кускильдина; записала Т. Н. Абрамова. – Мелеуз, 2010. – 1 с.

Родилась 7 ноября 1931 года в деревне Сарышево, тогда это был Юмагузинский район. В семье было двое детей: я и старший брат. В 1940 году пошла в первый класс Сарышевской начальной школы. О том, что началась война, сообщили родители. У отца Ханнанова Абзала Шамсутдиновича было большое сердце. Я помню, когда мой дядя, брат отца пришел с ним проститься перед отъездом на фронт, папа сокрушался, что он болен и не может идти на защиту Родины. И уже летом 1941 года отец умер. Мама Габида Галаутдиновна работала в колхозе.

В военные годы школу пропустили, пришлось работать: пропалывали сорняки и на

зерновых, и на бобовых, и на картофельных полях. Осенью копали картошку. Многих женщин отправляли на вырубку и сплав леса. В деревне оставались только старики и дети. У нас была корова, но молоко собирали сборщиками. Картошку нарезали брусочками, сушили на печке и отправляли на фронт. Сами кушали травы:

Юмагузинская школа 1944 г. Райхана - во втором ряду, справа, в светлой кофте

корень лопуха чистили, варили или пекли, а также в суп добавляли. Ели также крапиву, конёвник, лебеду, дикий лук.

У нас была овечка. Из ее шерсти я сама связала себе кофточку и косынку на голову. Вязали варежки и перчатки для фронта. Также из конопли делали нить и из этой нити ткали ткань для одежды. Зимой носили старые фуфайки. Одежду очень берегли, чинили. На ногах – лапти. В деревне было два или три старика, они плели лапти на всю деревню. Было много заказов, даже не успевали.

В 1944 году мы снова начали учиться. И как-то на урок к нам зашла наша классная руководительница и сообщила, что война закончилась. Это была большая радость. Мы и плакали, и смеялись, и танцевали, и обнимались. Трудно передать словами то, что мы тогда чувствовали.

Потом довелось ходить в Юмагузино, в среднюю школу. Примерно четыре километра каждый день туда и обратно. Среднюю школу я окончила в 1953 году.

...в Троицкой школе, по воспоминаниям воспитанников, ребяташки не учились в зимний период: сказывалось отсутствие обуви, в лаптях ни в грязь, ни в холод не выйдешь, одежды. Школа в зимний период не отапливалась:

Бобровникова, А. Н. Так кончилось детство моё [Рукопись] : воспоминание / А. Н. Бобровникова; записала Т. Н. Абрамова. – Троицкое, 2010. - 1 с.

Когда началась война, мне было тринадцать лет. 4 августа отца – Бобровникова Никифора Кузьмича проводили на фронт.

В сентябре мы пошли в школу, но занимались только до холодов. Потом же ходить было не в чем. Одежды теплой не было, на ногах лапти – ни в грязь, ни тем более в мороз в такой обуви далеко не уйдешь. Школа у нас была кирпичная, топить было нечем.

На всю школу было всего два учебника. Писать приходилось на газетах, и на любом клочке бумаги. У нас были перья для ручек, мы их крепили на палочку – получалась ручка, а чернила приходилось делать из сажи: разводили ее водой и писали. Еще делали чернила из сока красной свеклы, но они быстро прокисали.

Когда наступало лето – это не означало каникулы и отдых. Приходилось работать: копали огороды вручную, косили сено, прополка посевов зерновых занимала много времени и сил.

В апреле 1943 года от воспаления легких умерла мама. Меня приютили дедушка и бабушка. И 31 января 1944 года погиб отец, пришла похоронка. Жить было очень трудно. Кушали траву: краснушку, лебеду, коневник, была картошка – варили суп, из травы же пекли лепешки. У нас была корова. Ее берегли. У кого коровы не было, тем приходилось туго, нередко пухли с голоду и даже умирали от голода.

...в наше время не принято было пропускать школу...

Шурупова, А. В. Закончила четыре класса [Рукопись] : воспоминание / А. В. Шурупова; записала Э. А. Гашникова. - Первомайская, 2010. - 1 с.

Было нас в семье шестеро. Очень в войну голодовали. В первый класс пошла в 1942 году. Как помню, платье мама сшила самотканое на половину крашенное в красный цвет. Отец сплел лапти. А плёл он красивые лапти, со шнурочками, ставил деревянные дощечки, ступни. А сумка была у меня холщовая. Один раз, помню, решили мы с подругой не идти в школу, холодно было, да и просидели у неё дома. Когда отец узнал, он меня сильно наказал, в наше время не принято было пропускать школу. Я закончила четыре класса и пошла, работать, не хватало еды, одежды, надо было помогать родителям. У нас в деревне была только начальная школа, средняя школа была в Центральной. А чтобы учиться там, надо было снимать угол, питание, одежду, в то время многодетная семья не могла себе этого позволить. Так и работаю с двенадцати лет.

...Бумаги не было, писали на газетах, учебник был только у учителя. Карандаши делили на несколько человек. Чернила готовили из сажи или из сока свеклы. Одежда была односменная, обувь – лапти. Весной, чтобы не промокали, делали деревянные колодки. А чтобы не изнашивались, привязывали к подошве

жестянки. Но, несмотря на трудности, старались учиться на совесть в силу возможностей...

Карпухин, А. А. Отец ушел мой на войну [Рукопись] : воспоминание / А. А. Карпухин. – Нордовка, 2010. – 1 с.

Родился я 4 февраля 1936 года, в селе Нордовка, третьим сыном из четверых сыновей в семье Карпухина Алексея Сергеевича и Карпухиной Марии Ивановны. Немного был конопатым и толстеньким. За это соседские ребята меня прозвали «чурбаком». Тогда многим давали какие-либо прозвища. Отец работал в сельском магазине продавцом и одновременно учил грамоте всех желающих односельчан (в ликбезе). Я был любимым сыном у своих родителей, особенно у отца.

Началась Великая отечественная война, мне тогда было пять лет и четыре месяца. Отца со многими односельчанами вначале войны отправили на фронт. Провожали их всем селом. Все село шумело и плакало, особенно жены.

Нас в семье осталось четверо братьев. Самому старшему Петру тогда было четырнадцать лет, второму Михаилу – двенадцать лет, мне пять лет и четыре месяца и младшему, Василию – две недели.

Как-то надо было выживать. Мама вместо отца стала работать в магазине продавцом, а за маленьким братом ухаживала мамина сестра тетя Саша Игумнова. Петр и Михаил учились в школе. Я помогал тете Саше ухаживать за маленьким Васей. Так начиналась нелегкая жизнь после ухода отца на фронт. Отец часто присылал открытки с фронта из-под Ленинграда. Некоторые письма сохранились до сегодняшнего дня.

Алексей Карпухин ученик Нордовской школы

Маме часто приходилось ездить на лошади за товаром в Стерлитамак, Мелеуз, Ермолаевку. По дороге иногда приходилось ей встречаться с волками, часто простывала и болела. Но чтобы нас вырастить переносила все трудности. От отца последнее письмо получили в декабре 1941 года. В нем он писал, что потерял испанку, шел дождь, немцы не прекращают бомбить, сидим в окопах. Как погиб отец мы до сего времени не знаем. Я писал в архив в Подольск, но ответ один «Пропал без вести».

В школу, в первый класс я пошел в 1944 году. Первая учительница была Губарева Клавдия Алексеевна с семилетним образованием. В школе было холодно и неудобно. Во время перерывов нас кормили. Кое-какие продукты мы из дома носили в школу. Бумаги не было, писали на газетах, учебник был только у учителя. Карандаши делили на несколько человек. Чернила готовили из сажи или из сока свеклы. Одежда была односменная, обувь – лапти. Весной, чтобы не промокали, делали деревянные колодки. А чтобы не изнашивались, привязывали к подошве жестянки. Но, несмотря на трудности, старались учиться на совесть в силу возможностей.

Закончилась Великая Отечественная война – объявили по радио. Мы с мамой шли в магазин – на ее работу. Моросил дождь.

Мама не верила, что наш отец погиб, она до конца своей жизни его ждала, что он вернется. Но он не вернулся, и что обидно не знаем, где и при каких обстоятельствах он погиб.

Старшие братья подросли и стали помогать по хозяйству и работать в колхозе, а затем в Сухайлинском совхозе. Я в 1951 году закончил Нордовскую семилетнюю школу и поступил в 8-й класс Зирганской средней школы. Приходилось на выходные ходить из Зиргана в Нордовку пешком, тогда транспорта не было. На выходные мама все с меня снимала, стирала, готовила лапшу на неделю и три рубля на сахар. Тогда она уже не работала в магазине. Пришли участники войны и ее попросили уйти с работы в магазине. Она стала работать в колхозе за трудодни, на которые в конце года давали по 300 г зерна, а иногда и меньше. Получала за отца 8 рублей в месяц, затем 12 рублей. Жил я в Зиргане у одной бабушки на квартире, за которую надо было платить 30 рублей. Держали подсобное хозяйство, этим и обходились. Окончил среднюю школу в 1954 году. Затем училище в Салавате. Потом служба в армии, учеба в институте. Работал в школе с 1961 по 2001 год из них 26 лет директором школы.

...В школах Мелеуза писали на старых книгах между строчек, чернила варили из ягод крушины. Одежду носили разную, даже приходилось надевать штаны отца. Валенки надевали на босу ногу...

Кипайкина, Л. И. О нашей маме [Рукопись] : рассказ Кипайкиной Людмилы Ивановны / Л. И. Кипайкина. – Мелеуз, 2010. – 2с.

*Валя Дорофеева (сидит) с мамой и братьями
1942 год (фото отцу на фронт)*

Кипайкина Валентина Дмитриевна, в девичестве Дорофеева родилась 8 октября 1931 года в деревне Николаевка. Мелеuzовского района, Северного сельского совета, в семье Дмитрия Никифоровича (1910 г.р.) и Акулины Петровны (1910 г. р.). У отца было четыре брата: Василий, Федор, Тимофей, Иван, и три сестры: Ольга, Анастасия, и Татьяна.

Дедушка Никифор выделил старшему сыну хозяйство, построил дом. В 1932 году отца забрали в действующую армию, и он три года воевал с басмачами в Калмыкии в составе кавалерийского отряда. Жену с дочкой он перевез в город Элисту к себе до конца службы. После этого семья вернулась в Мелеуз. Отец закончил курсы шоферов, устроился на работу в автохозяйство. Где проработал до 65 лет. В 1937 году у них родился сын Владимир.

Начало войны Валя встретила в Стерлитамаке у своей родственницы.

Там они с тетей ходили провожать на фронт родного дядю Федора. Он погиб на войне, его имя увековечено на обелиске в колхозе «Новый путь».

В мае 1941 года у Вали родился еще брат, а через два месяца отца забрали на фронт, и мама осталась с тремя детьми и своими престарелыми родителями: дедушкой Петром Владимировичем, и бабушкой Евдокией Панфиловной Горячкиными.

В 1939 году Валя пошла в школу по улице им. Кирова (сейчас там расположен физкультурный диспансер). До войны закончила два класса. Потом один год, в первый год войны, не училась – была в няньках у чужих людей. Потом снова пошла учиться уже в третий класс. Летом посылали работать на колхозный «Мусеев» огород. Осенью работали на пищекомбинате, который находился в районе нынешнего инкубатора, сушили овощи, картошку для фронта. Зимой шили кисеты, отправляли посылки на фронт. Писали записки, надеясь, что может, попадет папе или дяде.

В школе писали на старых книгах между строчек, чернила варили из ягод крушины. Одежду носили разную, даже приходилось надевать штаны отца. Валенки надевали на босу ногу. Мама, Акулина Петровна, чтобы прокормить семью ездила в Ишимбай за солью, потом ее везла в Мраково и меняла на муку – стакан на стакан. Валентина Дмитриевна с мамой пешком ходили в город Оренбург, возили табак и меняли на пшеницу.

В 1943 году мама с Валею и средним братом Володей уехали в Уральскую область, спасаясь от голода.

18 мая мама умерла, и дети остались одни. Приходилось работать у людей за кусок хлеба, даже собирать милостыню. И только через месяц их забрала тетя назад в Мелеуз.

Через 40 дней умер дедушка. Им с бабушкой пришлось совсем туго. Вале приходилось и в школе учиться и бабушке помогать по хозяйству. Сажали картошку, овощи. Огород был двадцать соток. Летом ездила в колхоз и на картофельное поле, и колоски собирала. За работу привозила около 10 кг зерна.

Отец вернулся с фронта осенью 1945 года. Валентина хорошо помнит День Победы. Был холодный, сильный дождь, слякоть, но люди радостные выходили на улицу, пели, плясали. Обнимались друг с другом. Дети также веселились и крутились около взрослых.

Они с нетерпением ждали отца с фронта. Уже было известно, что два его брата Федор и Василий погибли, и мамин брат Павел тоже не вернется с фронта.

Отец вскоре женился, Валентина четыре года жила с мачехой. Ох, и не сладкое было время! Мачеха больше внимания уделяла своим детям, а Вале доставалась большая часть работы по дому.

Закончив семь классов пошла работать на железнодорожную станцию дежурной. Пришел с фронта солдат Евгений, посватал девушку, и в 1949 году они поженились. Родились трое детей: Юрий, Татьяна и Николай. Сейчас у Валентины Дмитриевны восемь внуков и три правнучки – Алина, Вероника, Иветта.

За плечами трудные годы войны, послевоенные годы, но они научили ее быть сильной, умелой, старательной. Валентина Дмитриевна умеет печь, хорошо вяжет, шьет, работает в саду, встречает детей, внуков и правнучек. А долгими вечерами вспоминает свои нелегкие годы и рассказывает нам, своим детям. А мы ей желаем долгих лет жизни, потому что нам с ней хорошо!

...Вместо пера пользовались чилигой. А чернила делали таким образом: очень долго кипятили ольховые почки, пока не превратится в черный цвет. В чилигу закрепляли перо и писали между строчками книг, газет и журналов...

Фаридонова, С. В. Мы старались учиться [Рукопись] : воспоминания о военном детстве Юлтимеровой Сарии Гафурьяновны / С. В. Фаридонова. – Аптрак, 2010. – 1 с.

Юлтимеровой Сарие Гафурьяновне было 13 лет, когда началась Великая Отечественная война. Она училась в четвертом классе. Проучившись два года, ей пришлось бросить учебу, так как семья голодала. Из-за двух килограммов овса она пошла работать в колхоз.

Во время войны учеба в школе давалась нелегко. Нечем и не на чем было писать. Писали на обрывках книг, газет, журналов. Вместо пера пользовались чилигой. А чернила делали таким образом: очень долго кипятили ольховые почки, пока не превратится в черный цвет. В чилигу закрепляли перо и писали между строчками книг, газет и журналов. Сария-апа говорит: «Несмотря на все эти трудности, мы все-таки старались учиться. Сейчас у детей все есть, но почему-то у них нет интереса к учебе».

...В школу мама ходила в лаптях, вместо чернил использовали дубовый вар...

Егорова, В. А. Музыкальная семья [Рукопись] : рассказ Валентины Афанасьевны Егоровой о маме / В. А. Егорова. - Первомайская, 2009 . - 1 с.

У моей бабушки Ермолаевой Меланьи было четверо детей, одной из них была моя мама Елена Александровна. Бабушка в войну работала на мясокомбинате, дед был, конечно же, на войне. Мама рассказывала, что они жили в маленьком доме, на улице Центральной, с соломенной крышей, топили кизяком дом. Спасал от голода свой огород, пахали на лошади землю, сажали картошку, овощи. Летом все дети ходили босиком, зимой в лаптях. По словам мамы, семья отличалась музыкальностью, очень красиво пели сестры Зина и Шура, а брат Петя играл на балалайке. Когда в Мелеуз приезжал руководитель хора Пятницкого, он заходил к Меланье, та слыла знатной певуньей. Услышал, как поют сестры, попросил бабушку отпустить детей учиться пению, но мать не отпустила. Мама в 1942 году пошла учиться в школу.

В школу мама ходила в лаптях, вместо чернил использовали дубовый вар. О Победе, семья услышала по радио, которое было в доме. Эту радость трудно передать словами. Вернулся с войны отец - Петров Афанасий.

...хоть и трудное было время, никто не плакал, не стонал. Все работали, даже дети и подростки после уроков. В колхозе всякой работы хватало: полоть, скирдовать, убирать. Поля были большие, и их надо было обрабатывать. Детей посылали на картошку, на пшеницу, рожь, вечерами пряли, вязали варежки, носки для отправки на фронт...

Я родом не из детства – из войны. И потому, наверное, дороже, чем ты,
Ценю и счастье тишины, и каждый новый день, что мною прожит.

Юлия Друнина

Что знает о войне наше поколение? Честно сказать, очень немного. Сухие фразы школьных учебников, кадры кинофильмов, художественные произведения, на наш взгляд, не могут рассказать всю правду о войне, поэтому воспоминания тех, кто на своих плечах вынес тяготы военных лет, для нас очень важны. И мы с особым трепетом вслушиваемся в рассказ Антонины Егоровны, стараясь уловить и запомнить каждое слово.

Волкова Антонина Егоровна – ветеран педагогического труда. О героине нашего повествования можно смело говорить, что она «родом не из детства – из войны».

Июнь 1941 года пятнадцатилетняя Тоня встретила, работая возчиком на строительстве дамбы через реку Вас-Елга в селе Ново-Белокатай Белокатайского района, который находится в северо-восточной части нашей республики. Труд был нелегким. Нам исполнилось по шестнадцать лет, мы почти ровесницы той Антонины, не можем даже представить себе, что девушка в возрасте пятнадцати лет должна одна набросать на телегу глину и, проехав два километра, высыпать ее на дамбу. А вот Тоня Патракова (девичья фамилия Антонины Егоровны) делала это несколько раз в день, хотя это было время летних каникул, когда так хочется лежать где-нибудь на берегу реки с книжкой, ничего не делая.

В тот памятный день 22 июня наша героиня была занята своим привычным делом и вдруг услышала крики: «Война! Война!» Все бежали к школе, где собрался митинг по объявлению войны и мобилизации на фронт. «С этого момента, - говорит Антонина Егоровна, - вся жизнь была подчинена лозунгу: «Все – для фронта, все – для победы!» Мужчины в расцвете лет и постарше, безусые молоденькие парни уходили на фронт, оставляя хозяйственные дела на стариков, женщин и подростков одиннадцати - пятнадцати лет». Надо было убирать хлеб, готовить дрова на зиму, корм для скота. И дети выполняли эту работу наравне с взрослыми. Не осталась в стороне и Тоня, отец которой, Патраков Егор Егорович, сменил профессию дорожного мастера на профессию солдата, оставив жену с тремя детьми, из которых Антонина – самая старшая.

«Хлеба, - вспоминает Антонина Егоровна, - уродились в тот год очень хорошие. Рожь высокая, густая. Трудно было поднять сноп, а его нужно было связать, уложить в сулоны. Все увалы были усыпаны скошенным хлебом». Для уборки урожая были организованы звенья из девочек, одним из звеньев руководить назначили нашу героиню. Хлеб жали вручную, серпами. Все вперемешку – девочки, женщины. Женщины красивые и молодые, бывалые и крепкие, а она тоненькая, как лоза, руки белые, нежные. Как жать, чтобы не осрамиться перед женщинами, как не отстать? Посмотрела Тоня, как жнут другие женщины, и стала повторять за ними. Порезала пальчики до крови, но кому пожаловаться, что руки ноют от боли и кровоточат, перевязала тряпочкой и – вперед, чтобы не отстать от других, раз выбрали звеньево́й.

Как ни старались, весь скошенный хлеб убрать не удалось. Поздней осенью этот хлеб поливало дождями, а потом засыпало снегом, образовалась ледяная корка. Девчушки вилами разбивали ледяную коросту и горсточками доставали зерна, затем складывали их в кучу. Но и это не помогло. Хлеб пропадал.

Наступило 1 октября, нужно было идти в школу. В селе, где жила Антонина, школы не было, поэтому каждый день, в любую погоду Тоня сначала ходила в начальную школу, что в пяти километрах от дома, а затем ей пришлось жить в двадцати пяти километрах от родного села в общежитии для девочек и учиться в средней школе. Мало того, что путь в школу не близкий, да еще очень трудный и опасный, бывало, для того чтобы не утонуть в снежных

сугробах, идя в школу, маленькая Антонина с подружкой перекатывались через овраги.

Как мы были удивлены, услышав непонятное слово «онучи», а именно в лаптях с онучами дети военных лет ходили в школу и на работу. Ботиночки, что купил отец еще до войны, в 1939 году, уже неимоверно жали ноги, но Тоня их берегла и одевала только по праздникам.

Жизнь многогранна. Антонина Егоровна вспоминает, как пела в хоре. До сих пор помнит свое первое выступление на сцене. К нему долго готовились. Учитель музыки Клавдия Ивановна приглашала девочку к себе домой, чтобы научить ее петь песню «Всю-то я Вселенную проехал». Участвовала Антонина и в театральных постановках «Без вины виноватые», «Свои люди, сочтемся».

Весной, когда закончился учебный год, пришел в дом Патраковых бригадир и сказал: «Пусть Антонина идет пахать». Антонина растерялась: «Как же я пойду пахать, я и лошадей боюсь». А он показал в окно: «Вон там видишь табор, там мальчишки-пахари. Они помогут тебе запрячь лошадей». А пахарям этим всего-то одиннадцать - тринадцать лет. Пришлось девушке идти, взрослого человека не слушаешься. Запрягли лошадь, поставили плуг на борозду, и пошли пахать. А плуг выбрасывает из борозды – не отрегулирован. Бригадир подошел, помог. Пашет. Вроде дело нормально пошло. При повороте плуг нужно поднимать, а он тяжелый. У Тони ее кучерявые волосы перепутались, от тяжести и неумения лицо и губы стали солеными. Но она выдержала, отработала пахоту. Председатель колхоза имени 15-го партсъезда Екатерина Сухаева похвалила Тоню, даже обещала премию дать, но какая премия в такое тяжелое время.

Проучившись три четверти в девятом классе, Тоня вынуждена была идти работать, потому что на окончание учебы денег уже не было. Пришла в колхоз. Назначили девушку учетчиком в тракторную бригаду, в которой на тракторах работали одни девушки. Здесь она заработала тридцать килограммов пшеницы. Потом она накосила сена, сгребла, скопнила и вывезла в свой двор. Осенью пошла снова в школу. Во время зимних каникул пришлось ехать в лес за дровами. До леса четыре километра ехала в полном одиночестве. Сплеча нарубила дров, раскорчевала, как могла, наложила на воз. Тем временем стало темнеть, где-то вдали выли волки. Страшно! Забралась Антонина на воз и двинулась в обратный путь. Лошадь, чувствуя волков, резво бежала в гору, так и добрались домой.

После каникул, уже в школе, Антонина получила страшное известие: пришла похоронка на отца. Это было в 1943 году. Ненависть к врагу просто захлестывала Тоню. Жажда мести была сильнее, чем постигшее их семью горе.

Как и все девушки, Антонина посылала на фронт посылки с теплыми вещами, писала ободряющие письма, и ждала ответных писем. Одно такое письмо от незнакомого солдата Антонина Егоровна хранит до сих пор.

Школьники во время каникул собирали золу, птичий помет для удобрения полей. Осенью по вечерам комсомольцы организовывали субботники по скирдовке соломы. Не все же работа: летними вечерами после трудового дня молодежь собиралась на берегу реки, пели песни веселые и грустные, отбивали частушки. Нам просто трудно понять, как полуголодные девушки и юноши еще находили силы на песни и танцы. А ведь ели они в лучшем случае заваренную в кипятке муку – «болтушку» и лепешки из лебеды и желудевой муки. Летом выручали молодая картошка, огурцы, лесная ягода. Более или менее сытно жили те семьи, которые держали корову: на столе были молоко и сметана. Но так было не у всех. Антонина Егоровна вспоминает, что в соседнем селе Апутово от голода умерли все, некому было даже хоронить их. Трупы складировал в амбаре, а потом специальные отряды хоронили умерших. Война собирала свою страшную дань.

Когда Антонина училась в десятом классе, все их мальчишки-одноклассники ушли на фронт. «В семнадцать совсем уже были мы взрослые – ведь нам подрастать на войне довелось...», - вспоминаются строки из стихов Юлии Друниной.

...На полях подростки пололи сорняки пшеницы, ухаживали за скотом, молотили хлеб в ригах цепями, вместе возили в мешках зерно в красных обозах. Молодёжь успевала за взрослыми во всём...

Крючина, А. И. Училась только в первом классе [Рукопись] : воспоминание / Анна Ивановна Крючина (в замужестве Коннова); записала Н. М. Зверева. – Воскресенское, 2010. – 1 с.

Когда началась война мне было девять лет. В семье нас было четверо детей. О начале войны мы узнали от отца, когда он пришел домой. Мама заплакала, а отец сказал, что он добровольцем уходит на фронт. Крючин Иван Васильевич ушел в первые дни войны и погиб. От него с фронта было только два письма.

Мама Елена Петровна пошла работать охранником в поле. Старший брат Михаил, которому было четырнадцать лет, с первых дней работал в колхозе на тракторе.

Питались мы в основном картошкой, а зимой, бывало и мерзлой картошкой, грибами, проросшим пропаренным зерном, травой. Иногда мама приносила из пекарни хлебные шишки. Их обрезали с буханок. Хлеб был из черной, наполовину с отрубями муки. Еще мама иногда приносила взятую украдкой горсть зерна или муки.

По военному времени мы жили и питались неплохо, голодали мало, у нас были ещё две свои козы.

До войны я успела закончить только первый класс начальной школы. А когда началась война, то мне учиться уже не пришлось. Я нянчила свою младшую сестрёнку, которой было полтора года и пятилетнего брата. А когда мне исполнилось одиннадцать лет, я пошла помогать в колхоз. Там мы – дети собирали колосья, вязали снопы, пололи траву, помогали на сеялках, молотили цепями зерно и лён. В неполные двенадцать лет я уже постоянно пошла работать в лесхоз. В лесхозе мы работали на заготовке древесины, драли лыко, сеяли посадки.

Об окончании войны я услышала, когда приехала с лесопосадок. Было много радости и слез.

... мы с сестрами уходили в лес собирать дрова, хворост. Приходили из леса едва живые, замерзшие. На ногах наледь, отогревались и садились за уроки. У нас всегда была лампа. И так каждый день...

Байрамгулова, А. Г. Детство наше натружено [Рукопись] : воспоминания / А. Г. Байрамгулова; записала Н. С. Исхакова. – Иштуганово, 2010. - 1 с.

Когда началась война, мне было двенадцать лет. Нас в семье было шестеро детей. Папу призвали в армию, но не в действующую, а в трудовую, так как он не проходил по возрасту. Раньше это так называлось. Сначала работал в городе Стерлитамаке, а через какое-то время его отправили на Украину. По его рассказам условия были военными.

Домой приехал папа в 1946 году тяжело больным – у него был туберкулез закрытой формы.

Когда у нашей старшей сестры Мулавары погиб муж, мы стали жить все вместе. Стало нас уже семь детей вместе с ее сыном. Все заботы по хозяйству легли на наши плечи – плечи детей.

Зимой, после занятий в школе, мы прибегали домой, мама нас кормила, и мы с сестрами уходили в лес собирать дрова, хворост. Приходили из леса едва живые, замерзшие. На ногах наледь, отогревались и садились за уроки. У нас всегда была лампа. И так каждый день.

Ходили мы в лаптях. Мама для всех нас вязала длинные носки. У большинства в нашей деревне не было лаптей, и они не могли ходить в школу, в лес за хворостом, мерзли.

На зиму у нас всегда было много картошки – мы сажали около гектара картошки. Помню наш участок овощей. Помню хорошо капусту – она вырастала, как мне кажется, очень большая, не обхватишь. Наверное, из-за того, что я была маленькая. Летом же мы были заняты работой в колхозе. Косили сено. Косы были колхозные, тяжелые для нас – подростков. Других не было.

Учебу начинали только тогда, когда уборка заканчивалась. Чистых тетрадей у нас не было. Писали на полях и между строк старых книг. Домашнее задание приходилось делать при свете лампы, а когда заканчивался керосин – при лучине.

... из еды, в основном картошка, лебеда и другие травы. Картошку рубили вместе с кожурой, добавляли траву и делали лепешки. Корову кормить было нечем. У нас была коза, но она не выжила и мы остались без молока...

Толченников, А. Д. Память в те годы вернула меня [Рукопись] : воспоминание/ А. Д. Толченников; записала Т. Н. Абрамова. – Мелеуз, 2010. – 1 с.

Родился 14 октября 1928 года в селе Дарьино. В 1932 году семья переехала в Мелеуз.

В восемь лет пошел в школу, школа располагалась по улице Ленина, ее называли деревянная. Первую мою учительницу звали Анастасия Александровна Сычкова. В первом классе, первые полгода мы учились писать карандашом. Потом стали писать чернилами. У меня получилась клякса. Мальчик, сосед по парте предложил мне воспользоваться резинкой (стеркой). Стерки в то время были большой редкостью. Чернила еще не высохли и я, конечно же, все размазал, и первая моя оценка была – «очень плохо». Здесь я проучился с первого по четвертый класс. В пятом классе мы учились в кирпичном здании, где сейчас располагается соцзащита. Классным руководителем у нас была Екатерина Николаевна Лабутина. В шестой класс я пошел в новую школу, которая находилась на улице имени Кирова (сейчас там физкультурный диспансер). Я жил на улице Московской, и в новую школу ходить мне было ближе. Здесь классным руководителем у нас была Таисия Александровна Сушко.

Мой отец – Толченников Денис Александрович второго июля 1941 года был мобилизован и отправлен на фронт. Неоднократно был ранен, в начале декабря 1945 года вернулся домой.

Моя мать – Толченникова Антонина Тимофеевна очень болела, и мне пришлось идти работать. В семье было еще три младших брата. После шестого класса я пошел работать в промартель имени VII съезда Советов, там, в мастерской я делал деревянные ложки. В октябре 1942 года я вернулся в школу. Но учиться смог только до первого марта 1943 года, потом пошел работать в автопредприятие, сначала учеником, а потом электриком.

Учился я всегда очень хорошо, и легко сдал экзамены за семь классов экстерном.

В 1946 году поступил в Ишимбайский нефтяной техникум. Окончил его с отличием, и получил направление в Московский энергетический институт, по окончании которого работал инженером.

До войны мы питались неплохо. А когда началась война, стало худо. Из еды, в основном картошка, лебеда и другие травы. Картошку рубили вместе с кожурой, добавляли траву и делали лепешки. Корову кормить было нечем. У нас была коза, но она не выжила и мы остались без молока.

Как-то шел я с работы, а возле нашего дома соседи хлопчут, и быстро мне стакан с молоком дают, и пить заставляют. Я не могу понять, зачем это. Оказалось, что все мои домашние поели какой-то травы и отравились, а соседи думали, что я тоже отравился, и стали нас всех отпаивать молоком. Это помогло всем выжить.

9 мая 1945 года был рабочий день. Приехал директор автобазы, стал ходить по цехам, сообщал всем о победе. Мы все очень обрадовались, собрался стихийный митинг.

...Своё детство я вспоминаю со слезами на глазах. Слишком большое испытание пришлось перенести всем советским людям...

Дятлова, А. Юный почтальон [Рукопись] : воспоминание / А. Дятлова; записала Э. А. Гашникова. - Первомайская, 2009 . - 1 с.

Во время войны моя семья проживала в деревне Кизрай. Мы маленькие дети испытали и голод и холод. Я маленькая помогала смотреть младших братьев и сестёр. Мы брались за любую работу по дому лишь бы помочь, потому что мама с утра и до ночи работала в совхозе, как и другие деревенские жители. Раньше – то все вручную сажали, стране не хватало хлеба, продуктов.

Чуть повзрослев, я носила почту в Верхотуре. Пешком зимой шла в Смаково, чтобы взять почту, а потом разносила по домам. Однажды в лаптях сильно замёрзла, зашла отогреться в первую попавшую избу. Раньше – то зимы были лютые, а одежда плохая. Сильно застыла я. После этого случая мне дали лошадь, ездить за почтой. Правда лошадь была совсем слабенькой. А потом кончилась война, я пошла в школу, работала дояркой. Своё детство я вспоминаю со слезами на глазах. Слишком большое испытание пришлось перенести всем советским людям.

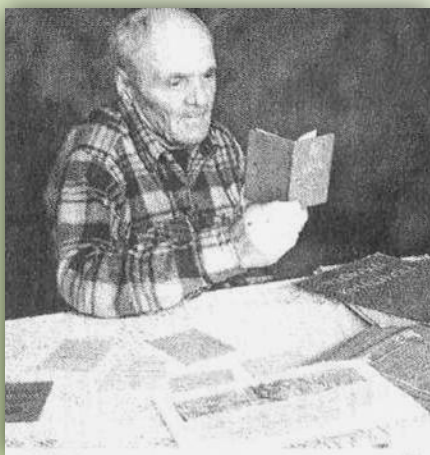
С малых лет сельских ребятишек приобщали к труду, заставляли выполнять любую посильную работу. Свалившиеся с началом войны заботы были им не в новинку. Но, одно дело, когда за спиной взрослые, и другое, когда вся ответственность лежит на тебе. "Помогая, лошади, мы приподнимали борону и чистили зубья. Борона была такая тяжелая, что я не удержал и уронил ее на ноги. Один из зубов проткнул мне ногу", - вспоминает Николай Тимофеевич Акаёмов.

О тех, кто трудился на полях [Текст] / материал подгот. А. Ахметшина; фото А. Яворского, из архива семьи Акаёвых
// Путь октября. – 2009. – 8 мая. – С. 3.

4 года прошло с того времени, как отгремела Великая Отечественная война. Все меньше и меньше остается людей, принимавших участие в освободительной войне 1941-1945 годов, тех, кто трудился на полях, за станками и поставлял на фронт хлеб, орудия, боеприпасы, растил детей и ждал с победой мужей, отцов и сыновей. Тем дороже и ценней сохранившиеся воспоминания очевидцев той героической эпохи. И очень нужное дело совершают те, кто по крупницам собирает материал от очевидцев.

Учитель Дмитриевской школы Файруза Валишина со своими воспитанниками посетила дома ветеранов - жителей деревни Дмитриевка Нордовского сельского поселения - и собрала богатые материалы. Вот один из них.

Семья Тимофея Акаевова с тремя детьми переехала в д. Дмитриевка и 1938 году из Челябинской области. В довоенные годы колхоз «Пятилетка» был многоотраслевым хозяйством. Развивались овцеводство, полеводство, выращивали также овощи.

- Главной тягловой силой были лошади, - вспоминает Николай Акаевова, сын Тимофея Григорьевича Акаевова - С малых лет мы вместе с родителями приобщались к труду, выполняли любую посильную работу. Свалившиеся с началом войны заботы были не в новинку. Но, одно дело, когда за спиной взрослые, и другое, когда вся ответственность лежит на тебе. Когда началась война, мне было десять лет. Где-то к обеду сообщили о том, что началась война, а уже после обеда нашего соседа Родиона Сафронова отправили на фронт.

Вскоре на войну ушел и наш отец. Он писал в письмах, что ему дали лошадь, и он обеспечивает роту боеприпасами. В одном из писем он сообщил, что встретил нашего соседа Р. Сафронова. В начале 1943 года он перестал писать, но через некоторое время сообщил, что был тяжело ранен, находится в госпитале города Рыбинск и надеется, что скоро вернется домой. Но летом этого же года мы получили «похоронку». В ней сообщалось, что Т. Г. Акаевова, 1905 года рождения, скончался от полученных ран и похоронен на кладбище около госпиталя.

Мне пришлось бросить учебу и, засучив рукава, впрячься в работу. Трудно было полуголодным подросткам выполнять тяжелую работу, иногда не оставалось сил держать в руках вожжи, чтобы управлять лошадьми. А еще многие были няньками при младших братьях и сестрах. Я запрягал самую спокойную лошадь, собирал по домам грудных детей и возил к матерям кормить. Женщины накормят детей и сами отдохнут. А я обратно везу их в деревню.

*Родители Николая Акаёвова
еще до войны*

Во время войны очень много стало волков. Мы придумывали разные приспособления, чтобы отпугивать их. Так, на длинную веревку привязывали консервные банки и цепляли ее к телеге. Шум отпугивал хищников.

Еще помню: бороновали поле с Иваном Шильциным. Вдруг поднялся ветер, пригнал тучи и начался дождь. Обычно от дождя мы прятались под лошадь. И на этот раз поступили также. А тут засверкали молнии, грянул гром. Лошадь запуталась в вожжах и пыталась освободиться, того и гляди затопчет меня. Тогда Иван запел колыбельную песню, которая успокоила лошадь и Иван смог вытащить меня из-под нее.

Помогая, лошади, мы приподнимали борону и чистили зубья. Борона была такая тяжелая, что я не удержал и уронил ее на ноги. Один из зубов проткнул мне ногу.

Такие вот эпизоды помнит Николай Тимофеевич. Еще он запомнил, что в деревне жили эвакуированные из Ржева. Учителей Ольгу Федоровну, Киру Алексеевну, Валентину Федоровну. А учитель начальных классов Анастасия Николаевна Заикина из деревни Варварино ушла добровольцем на фронт и погибла в боях за Родину.

После войны начали приходить домой солдаты. В деревне появились мужчины, можно было и об учёбе подумать. Н. Т. Акаемов поступил в школу механизаторов. Учился старательно и хорошо. Закончил в 1951 году и начал работать на гусеничном тракторе. Всегда трудился так, чтобы не было стыдно за результаты своей работы, об этом говорят награды, полученные во время трудовой деятельности. Николай Тимофеевич Акаемов - кавалер ордена Ленина, у него множество медалей, Почетных грамот.

...я осталась маминой помощницей. Она уходила с утра до ночи в колхоз на работу. Я и дрова возила, и кудель толкла, и картошку полола, И семечки срезала, и нянчила своих брата и сестренку.

Климова, Т. А. Детство было нелёгким [Рукопись] : воспоминание / Татьяна Алексеевна Климова; записала Н. Зверева. – Воскресенское, 2010. – 1 с.

О войне мы узнали от отца, Климова Алексея Алексеевича. Возвратившись с работы вечером, он бросил фуражку на пол и сказал, что началась война и вряд ли мы останемся в живых, так как он уже воевал на одной войне. Мать заголосила во весь дом, а глядя на нее заплакали и мы.

Седьмого января 1942 года провожали отца на фронт. Я помню всё: мы – дети сидели на сундуке. Нас было трое – мне было восемь лет, братику три года и сестричке три месяца. Отец подошёл всех нас поцеловал, обнял и сильно плакал. Несколько раз он доходил до порога, возвращался, хватал нас всех в кучу, обнимал, целовал... Наверное сердце подсказывало ему, что он не вернется с войны. С фронта от папы приходило одно письмо, он лежал в госпитале, и написал, чтобы пока ему не писали, что когда он доберется до места, то сам напишет адрес. Воевал он под Сталинградом. В августе 1942 года пришло известие, что отец пропал без вести.

Когда отца забрали, то я осталась маминой помощницей. Она уходила с утра до ночи в колхоз на работу. Я и дрова возила, и кудель толкла, и картошку полола, И семечки срезала, и нянчила своих брата и сестренку. Вскоре, после того как отца проводили на фронт, маленькая сестричка заболела и умерла. Было голодно, на мы сильно не голодали: терли картошку для лепешек, пекли картошку. Коровы у нас были, и овцы, и поросята, и куры. Детство, конечно, было тяжелое. Я совсем не училась в школе, не до того было. В четырнадцать лет пошла работать в колхоз и проработала там пятьдесят лет.

...С детства я научилась ценить вкус хлеба, дороже хлеба нет ничего – для нас детей военной поры. Запах хлеба мы чуяли издалека, если дома пёкся хлеб, для нас это был праздник...

Барлыбаева А. Запах хлеба [Рукопись] : воспоминание о военном детстве / А. Барлыбаева; записала Э. А. Гашникова. - Первомайская, 2009 . - 1 с.

Я родилась в деревне Арасланово в 1932 году. В военную пору вместе с сестрой Тимербикой помогали родителям. Мы рано повзрослели: помогали глиной обмазывать избу, ходили за хворостом, топили печь. Одежду носили перешитую от взрослых. Лето для нас было спасением: купались на реке и пасли скот, собирали травы, хворост. А в школу ходили с удовольствием. Мама, конечно, старалась, чтобы мы были сыты и здоровы. Мама сама собирала травы, умела лечить. С детства я научилась ценить вкус хлеба, дороже хлеба нет ничего – для нас детей военной поры. Запах хлеба мы чуяли издалека, если дома пёкся хлеб, для нас это был праздник.

...В тяжелую пору авторитет учителей среди детей и подростков был высоким, хулиганских поступков дети не совершали. Ни воровства, ни убийств не было. А это очень помогало и поддерживало. Вся эта суровая жизнь выявляла настоящие человеческие качества: дружбу, заботу друг о друге, доброту.

**Заикин, А. В те грозные годы [Текст] / А. Заикин
// Путь октября. - 1980. - 9 мая. - С. 2**

Посильный вклад в достижение Победы в годы Великой Отечественной войны внесли учителя района. Они, как и труженики тыла, работали не жалея сил и здоровья, преодолевая невероятные трудности, подчиняясь единому девизу: «Все для фронта! Все для Победы» Война обрушила тяжелые испытания на школу: значительно сократились кадры учителей, осложнился ремонт зданий, обеспечение топливом, учебниками и школьными принадлежностями. Спросите ветеранов школ военных лет, и они вам расскажут, как заготавливали дрова для топок в Мелеузе, делали кизяк в сельских школах, каких трудов стоило учить 5-7 ребят по одному учебнику, как собирали старые газеты, и книги на которых писали, выполняли классные работы.

И все-таки школы работали. За посещение занятий каждым учеником приходилось прямо – таки бороться. С те ми же кто в силу ряда обстоятельств не могли прийти в школу с начала учебного года, учителя занимались дополнительно, лишь бы не допустить отставания. Создавались фонды всеобуча для оказания помощи одеждой и обувью остро нуждающимся.

В те трудные годы были осуществлены такие важные мероприятия по дальнейшему совершенствованию деятельности школ, как прием в первые классы с 7-летнего возраста, оценка знаний учащихся по пятибалльной системе.

Учителя принимали активное участие в реализации военных займов, в сборе теплых вещей для фронта, средств на постройку самолетов, танковых колонн, в выращивании и уборке урожая в колхозах. Много сил вкладывали в эту

работу А. Ф. Кичигина, М. В. Ковалев, А. И. Алаторцев, С. Т. Баязитов, А.В. Бабикова, М. В. Старцева, Е. В. Смолина.

Особую заботу отдавали детям, оставшимся без родителей. Их было немало. Уже в 1942 году в Зиргане был организован детский дом для ребят школьного возраста на 150 мест, а в 1944 году в село Дарьино – детский дом для дошкольников на 100 человек. В деревне Антоновка работала специальная Школа с интернатом для глухонемых детей. В Мелеузе размещался эвакуированный детский дом для детей испанцев – республиканцев. Деятельность всех детских домов находилась под неослабным контролем партийных и советских организаций, при постоянном внимании учителей и общественности.

Вот так в труде и борьбе учителя района помогали ковать победу над злейшим врагом – человечества Германским фашизмом. И мы победили!

Осенью 41-го в Мелеузе уже появились эвакуированные учителя и ученики. Среди них – Дора Исаевна, которая ездила со старшеклассниками, в Шевченковский сельсовет на уборку подсолнечника и картошки. Техники не было работали вручную:

Аллабердина, Д. Учителя города Мелеуза и Мелеузовского района в годы Великой Отечественной войны [Текст]: исследовательская работа / Д. Аллабердина. – Мелеуз, 2005. – 2 с.

Участников Великой Отечественной войны становится все меньше. Очень жаль, что многие не написали своих воспоминаний, но есть еще люди, кто помнит тяжелое военное время, и может помочь нам, современному поколению, понять и лучше разобраться в правде войны.

Каждое утро мы встаем и привычно идем в школу. Заходим в класс, садимся за парты. Звенит звонок, и заходит учитель. Все просто и привычно, потому что нет войны, не холодно и не голодно. Однажды я задумалась над этим, и мне очень захотелось узнать о жизни школы, учеников и учителей той далекой военной поры. Я прочитала воспоминания моих земляков, архивные материалы, публикации в местной газете, расспрашивала учителей-пенсионеров, которые учились или работали в годы войны.

Хуршида Сиразиевна Рахматуллина в то время работала в татарской школе Мелеуза. Она вспоминает: «Началась война. Настало очень трудное время. Учителя и ученики вели беседы среди населения о фронтовых событиях, помогали в сборе вещей для фронта, прополке посевов, уборке урожая колхозам «Смычка», «Сарлак», «Айтуган». Заготавливали дрова на выделенных делянках, вылавливали из реки Белой бревна-топляки и тащили их на себе для отопления школы и домов учителей»

Роза Фатыховна Доминова, в 1942 году окончившая Мелеузовскую среднюю школу, помнит, что дети, ученики того времени были все очень активные и «все патриоты, потому что верили в победу». Роза Фатыховна полагает: «Наверное, мы были еще молодыми, не все нам казалось таким трагичным, а может потому, что война хоть и чувствовалась, но все-таки была от нас далеко». Она помнит, что уже в декабре 1941 года из их выпускного класса стали уходить на фронт мальчики. Кого призывали, а кто – добровольно.

«Среди них добровольцем ушел в армию Рахматуллин Казбек, а вместе с ним его друг Наиль Акбердин. Оба были веселые, озорные. В нашей школе они отвечали за выпуск стенной газеты, особенно им удавались карикатуры. Помню, уходя на фронт, Наиль подарил мне на память свой пионерский галстук. Казбек

погиб во время Сталинградской битвы. Много лет спустя, учитель биологии средней школы № 1 Данилова Валентина Николаевна поехала на экскурсию со своими учениками в Волгоград и там случайно нашла могилу Казбека. Он был ее соседом по улице.

Осенью 41-го в Мелеузе уже появились эвакуированные учителя и ученики. Среди них – Дора Исаевна, которая ездила с нами, старшеклассниками, в Шевченковский сельсовет на уборку подсолнечника и картошки. Техники нет, работали вручную и картошку выкапывали уже, когда выпал первый снег. Почему так поздно убирали? Да ведь всех мужчин забрали на фронт! Вот мы и работали. Как-то возвращались домой пешком, через горы. И осталась в памяти такая картина: солнечный день, под ногами хлюпает растаявший снег, на ногах не то лапти, не то что-то еще, а невдалеке – поле. Колосья овса склонились под тяжестью снега. Видно, не дошли еще руки его убрать, не хватило рабочих рук».

Много интересного рассказала Антонина Григорьевна Сеницына, которая в годы войны была воспитанницей Воскресенского детского дома:

«В то время учителя все время были вместе с учениками, помогали им, не бросали в трудную минуту. Они были людьми с большой душой. По радио мы слышали, что Москву бомбили. Переживали очень. Мне в то время было только одиннадцать лет. Учителя и воспитатели нас утешали, говорили, что победим. Никто не верил, что не победим!

Хоть и трудное было время, мы не плакали, не стонали. Все работали, даже подростки. В колхозе всякой работы хватало: полоть, скирдовать, убирать. Поля были большие, а мы все это пололи. Нас посылали на картошку, на пшеницу, рожь. А после уроков пряли, вязали, посылки собирали, вышивали кисеты для бойцов. В общем, все для фронта, все для победы. Иной раз от работы все тело болело, ночью не могли уснуть.

А еще мы ходили по домам тех, чьи родственники были на фронте. Стучали в окно, спрашивали, что надо делать, и помогали: дрова носили, воду, и другое.

В классах было холодно, топили мало и редко. Мы мерзли, иной раз замерзали не только наши руки, но и чернила. С учебниками и тетрадями было тяжело, особенно с тетрадями. У нас в селе был РИК (районный исполнительный комитет), там нам давали старую литературу, которую уже никто не читал, и вот мы между строк писали.

Я очень люблю читать. Свет в детдоме был тусклый. Однажды сижу, читаю, смотрю – а по полу крысы бегают. Наверное, тоже голодные были, как и я.

Вшивость была ужасная. Не знаю, как на селе, а у нас, детдомовских, - это было каждодневное занятие: избавляться от насекомых на голове. Иной раз и на уроке этим занимались, а учителя делали нам замечание, отчего становилось очень стыдно.

Все время учителя были рядом с нами. С нами ходили везде, мы вместе общались, разговаривали. Это тоже много значит. Если человек к другому человеку относится по-людски, все можно сделать, и победу тоже».

Викторин Сергеевич Танатаров пришел в школу в 1943 году с войны, с ранением ноги. Его удивило, что дети, которых он повстречал по дороге, сурово спрашивали его: «А сколько ты убил фашистов?» «И нужно было им объяснить, что я не сбежал с фронта, что я ранен», - вспоминает ветеран. – Кто знает, может, у них на фронте был убит брат, или дед, или отец, и раз я пришел с фронта, что же я там сделал?». Викторин Сергеевич говорит, что в ту тяжелую пору авторитет учителей среди детей и подростков был высоким. Ему запомнилось, что хулиганских поступков дети не совершали. Ни воровства, ни убийств не было. А это очень помогало и поддерживало. «Ребятишки не боялись никакой работы. Во время учебного года работы было много, конечно, делали сверхурочно, но учебные программы выполняли и школу благополучно заканчивали. Тем детям труднее было во много раз, чем теперь, но, тем не менее, школу они не бросали».

Из воспоминаний Домагацкой Елизаветы Васильевны:

«... В грозном 1943 году особо остро ощущался недостаток учителей. Голод, нищета, похоронки изнуряли всех, сиротливо выглядела и школа. Был

единственный школьный спутник-утешитель – звонок. Дети любили дежурить, чтобы только поддержать этот колокольчик. Не было учебников, их давали только по одному экземпляру на школу. Домашних заданий тоже не было, так как писать было не на чем и нечем. Читали тексты старых газет. Дети писали углем на досках. Чернила выжимали из разных растений. Вид детей был ужасный: с печальными, припухшими глазами. Когда заходил разговор о хлебе, у них загорались глазки, текли слюнки. Дети не знали, что собой представляет сахар. Осенью собирали колоски. И ни один колосок, ни одно зернышко не оставались на поле. Дети были совершенно голодные. А труд они познали очень рано. Зимой делали вязанки для отопления школы, даже бурьян собирали. Топили голландку. Она была черная и круглая. Старались закрыть печь как можно быстрее, но выходил угарный газ. Детей начинали рвать и их выносили на снег.

Дети после школы возвращались домой. А что ждало их дома? Ни хлеба, ни тепла, уход за домашними животными, за младшими сестренками и братишками, так как матери целыми днями и вечерами работали вместо отцов. Единственная домашняя радость – лепешки, печенные из кожуры картошки и муки, в печи.

Вся эта суровая жизнь выявляла настоящие человеческие качества: дружбу, заботу друг о друге, доброту. Мы где-то услышали, как говорят иностранцы: «Россию не возьмешь войной, у них – великая дружба». Все мы были как единое целое».

Вершинина Вера Федоровна работала учительницей в 1943-1945 годы в Дмитриевской семилетней школе. Вот отрывки из ее воспоминаний: «Надо было создавать материальную базу школы, поэтому все учащиеся и учителя собирали колоски, пропускали собранное через бункер комбайна, зерно сразу завозили в школу. Была гарантия, что можно будет кормить детей обедами в школе. Дети приносили в пузырьках молоко, забеливали кашу. Заготавливали также картошку, сохраняли ее в подполе. Обед для детей готовили прямо в учительской. И случилось однажды несчастье – возник пожар. Директор школы Мария Тимофеевна почувала запах дыма. «Милая, школа горит», - позвала она помощь. Пришлось школу отремонтировать после пожара: забелить потолки, покрасить стены. Ученики занимались старыми учебниками, даже их было на несколько человек по одному. Писали сажей на старых газетных бумагах. Ученики старались работать, с ними было легко и интересно, вопрос о дисциплине вообще не возникал».

"...Самим есть, было, нечего, а в деревню привезли эвакуированных из Москвы и Ленинграда, разместили в школе. Но ничего, выжили. Вздохнули немножко. Жизнь налаживалась. Школа работала. Писали на бросовой бумаге, на газетах. Чернила делали из сажи..."

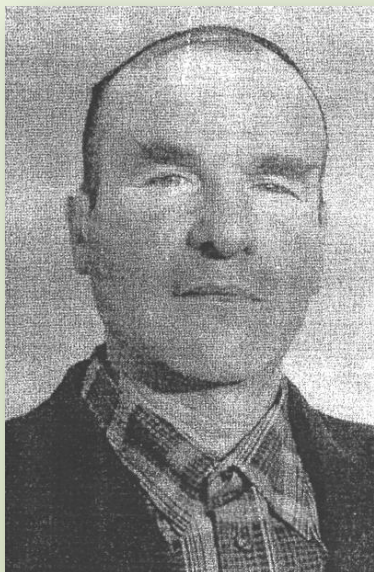
Елистратов, Е. «А я вот не был на войне...» [Рукопись] : историко-биографический очерк о Сурандаеве Борисе Владимировиче / Е. Елистратов. – Александровка, 2009. - 2 с.

Солнце давно уже ушло за гору. Опускалась августовская ночь. Стало чуть прохладнее. Ветер утих. Колосья, нагретые солнцем за день, лениво без шуршания чуть-чуть кланялись друг другу. Ложилась роса.

Борис Сурандаев, бригадир комплексной бригады отъехал от табора на проселочную дорогу: по ней ехать было мягче, хотя телега была на резиновых колесах. День был трудным: надо было объехать все поля, узнать, в чем нуждаются механизаторы, все ли комбайны на ходу, хватает ли машин для отправки зерна на элеватор, позаботиться о продуктах для колхозной столовой. И все это с раннего утра до позднего вечера.

И вот теперь, уставший, но довольный. Он ехал домой. Дела в поле на уборке зерна идут хорошо, механизаторы довольны обедами и ужинами.

- Вот уберем хлеб, а там и сахарная свекла подспеет, отдыхать некогда, - подумал Борис Владимирович. Он подъехал к ключу, чтобы переехать вброд, заодно напоить Буланого. Берега заросли высокой крапивой. Задев за нее, Борис почувствовал резкий запах. Сколько лет прошло, а это запах не забывается: ведь эту крапиву ели. И вспомнилось Борису Владимировичу то ужасное время, время войны и голода.

Он выехал на дорогу, лошадь он не торопил: она за день тоже устала.

Встала перед глазами родная деревня Александровка, которая укрылась между двух гор, одним краем уходила в лес, другим сбегала к речке Нугуш.

Жил он тогда с матерью и отцом, с двумя сестрами и братом. Отец умер в 1935 году, когда Борису было два года. Жили на пенсию по потере кормильца.

А когда ему исполнилось восемь лет, началась Великая Отечественная война. Демобилизовали на фронт не только мужчин, но и крепких женщин. А надо было кормить фронт. Надо было сдать каждой семье семь килограммов отборной

картошки. Из картофеля делали спирт (в соседнем Воскресенске был спиртзавод).

Остались в селе старики, дети да калеки. Сдавали овчины, мясо, яйца. Масло. Из колхоза забирали лучших лошадей, угоняли в Уфу для конной дивизии М. М. Шаймуратова, которая героически сражалась на фронте, приближая день Победы.

Оставались еще быки, главная тяговая сила. Урожай собрать не удавалось, он уходил под снег. Хлеб собирали весной, толкли гнилые зерна, ели, потому, что были голодные, и умирали от отравления.

Организовали промысловую артель имени Чапаева. Делали лыжи, ткали кули из мочала для мешков с песком для баррикад. Продукцию на быках отвозили в Стерлитамак. Зимой замерзали в дороге, но надо было, невыполнение строго наказывали.

Вспомнил Борис Владимирович, как сам научился плести лапти, как мать ткала холсты, плела онучи, шила портянки.

Еды не хватало, умирали от голода. Ели крапиву, красную траву, липовые листья, коневник. Огороды пахали на себе: впрягались по шесть - восемь человек.

Самое страшное запомнилось почтальон приносил похоронку, и плакала вся деревня. Борис вздрогнул то ли от ночной прохлады. То ли отдался в его душе тот бабий вопль: «Сиро-тинущка-а горькая!».

Двести с лишним человек не пришло с войны.

Брат Дмитрий работал трактористом, его не взяли на фронт – у него была бронь как у механизатора. И вот настал тот долгожданный день – победа! Борис бежал к брату вот по этому полю, ни разу не остановился, задыхался. Падал, вставал и снова бежал – мчал эту радостную весть.

Самим есть, было, нечего, а в деревню привезли эвакуированных из Москвы и Ленинграда, разместили в школе. Но ничего, выжили. Вздохнули немножко. Жизнь налаживалась. Школа работала. Писали на бросовой бумаге, на газетах. Чернила делали из сажи.

Постепенно восстанавливали колхоз. Купили невод. В Нугуше было много рыбы. Маленьких не брали рыбачить, но они сами залезали в воду и палками загоняли рыбу в невод. Им взрослые давали немного рыбы.

Из школы посылали убирать хлеб, вязали снопы, работали на гумне, подменяли своих матерей.

К 1950 году Борис научился работать на тракторе, а в 1952 году ушел в армию. Служил в Эстонии, в городе Тарту. Учился на воздушного стрелка. Летал на ТУ-4, ТУ-16, сделал шесть прыжков с парашютом.

Буланый фыркнул, пошел веселее, почувствовал запах деревни. Деревня спала. Только слышались молодые голоса. Мимо промчались на мотоцикле парни: поехали в соседнюю деревню завлекать девчонок. Улыбнулся Борис, приятное воспоминание наполнило душу. После армии он приглядел себе Аннушку, красивую певунью. Родила она ему трех сыновей и одну дочь. Горе не обошло их семью: умерла дочь, оставила маленького внука. Сын служил в Афганистане. Теперь у Анны с Борисом уже правнуки.

Борис Владимирович повернул на свою улицу. Двадцать шесть лет он проделывал этот путь, и никогда не пожалел об этом. Наоборот, он был счастлив. Да и его труд был отмечен правительственными наградами: Почетная грамота Президиума Верховного Совета Башкирской АССР, медаль «За освоение залежных земель», медаль «За трудовую доблесть», юбилейные медали. Особенно приятно Борису Владимировичу, что он носит почетное звание «Заслуженный колхозник колхоза имени Чапаева».

Борис выпряг Буланого, отвел за огороды – отдыхай, завтра опять в поле. И со спокойной душой, прямо через огород пошел к дому. Августовская ночь набирала силу.

Сироты... Сколько их бродило по разбитым дорогам, потерявших мать, отца, лишившихся крова, защиты, надежды, что завтра у тебя будет кусочек хлеба. Жизнь таких мальчиков и девочек устраивали чужие тети и дяди, ставшие впоследствии, для них близкими и родными. На территории Мелеузовского района в годы войны работали три детских дома: Мелеузовский, Дарьинский, Воскресенский.

**Высоцкая, Р. Память сердца [Текст] / Р. Высоцкая
// Путь Октября. – 1991. – 6 июня. – С. 2**

Дети войны... Сколько их – чудом уцелевших после бомбежек в районах фашистской оккупации и оставшихся без отца-матери, потерявших сестру, брата — скиталось тогда по разбитым дорогам, ища приюта. Бродило по лесам оборванных, грязных, лишившихся враз привычных в обычных условиях домашнего крова, завтраков, обедов, ужинов, теплой, мягкой и чистой постели, куда заботливо и нежно укладывала набегавшегося и наигравшегося за день сыночка или дочку мама.

Случалось, и при живых родителях оставались

*Детдомовцы
В центре – В.И. Прокудина, за нею – директор детдома
А. Н. Силантьев*

сиротами.

Жизнь таких мальчиков и девочек устраивали чужие тети и дяди, ставшие впоследствии, для них близкими и родными.

Старожилы нашего города помнят 1946-1963 годы, детский дом в Мелеузе, расположившийся в деревянном здании, где сейчас СПТУ-109, и эту вот симпатичную, с простым и добрым лицом женщину, В. И. Прокудину, заменившую тогда не одному мальчишке и девчонке родную маму.

— Завтра будут пироги! — торжественно объявляла Вера Ивановна своим питомцам, и на следующий день она, гостеприимная хозяйка, принимала уже у себя дома шумную компанию детдомовских детей, стараясь угостить каждого соответственно его вкусу и аппетиту.

Мудрые люди говорили: «Хороший человек вроде медом помазан — и стар, и млад, вьется вокруг, него». Точь-в-точь о Vere Ивановне сказано. Помните: на улице ли, в кино встречали ее непременно в окружении детворы, и казался неисчерпаемым в ней запас материнской доброты и ласки к этим обездоленным судьбой существам. В нужный момент находила она и «волшебное» слово, вмиг успокоив девчущку, затосковавшую о родных, оставалась, хотя давно уже окончен рабочий день, у кровати затемпературившего мальчугана, поглаживая своей мягкой рукой его разгоряченный лоб, по часам выдавая пилюли, одним своим присутствием вдыхая в него силу.

На память Vere Ивановне от воспитанника Дмитрия Осипова и его сына

...Разлетелись птенцы. Многие сами стали мамами и папами, бабушками и дедушками. Не та — жизнерадостная, энергичная — и Вера Ивановна. Умер муж, - Алексей Иванович, участник войны, трагический случай отнял родную дочь. Прожиты трудные военные

и послевоенные годы. Семнадцать лет в детском доме и столько же проработала воспитательницей в детсаде № 4, отдавая свое щедрое сердце детям. Перенесла два инфаркта. Живут теперь вдвоем с дочерью Лидой, работающей после Института в райпо — такой же радельной к людям, трудолюбивой и заботливой, простой и скромной.

Радуются вместе гостям каждой весточке от бывших воспитанников Vere Ивановны. Приезжает как к родной матери Демьян Осипов из Петрозаводска — высокопоставленный работник облсовпрофа, юрист, навещает вместе с женой и Дети Федор Авдеев, работающий на заводе в городе Салавете, шлют теплые письма Вениамин Габышев из Тюмени, Зоя Каплина из Уфы, как правило, начиная их со слов: «Дорогая мама, Вера Ивановна!».

Недавно встретилась я с Н. К. Бородиной. Последние два года работала она в том же детском доме вместе с Верой Ивановной воспитательницей. Удивительно похожими оказались не только эти женщины, но их судьбы.

Нина Корнеевна вспоминает:

— В детском доме были дети даже из исправительных колоний. Не все, но и ой, какие бедовые были. Бывало, только смотри, как бы «ЧП» не устроили.

Но доброжелательность старших и дружеские чувства со стороны благовоспитанных их сверстников делали чудеса: ребята быстро адаптировались и на глазах менялись к лучшему.

Аркадий Павлович Бородин

Приходилось только удивляться той неистовой энергии, настойчивости, какому-то яростному желанию сделать все, чтобы дети не ощущали своего сиротства и жили как у себя дома, директора Александра Николаевича Силантьева, ныне покойного — пусть земля будет ему пухом. Как только приступил он к директорским обязанностям, сразу же заменил (при таком-то дефиците труб и других стройматериалов!) печное отопление на паровое, построив за короткий срок свою котельную. Его постоянной — не по принуждению, а по велению в прямом смысле широкой души — заботой было не хуже других одеть и сытно накормить детей. Для него, днюющего и ночующего на работе, не существовало «уважительных», причин оправдания несделанного.

Собрал как-то всех нас, работников, и говорит:

— Денег не дают, а детишкам положено полноценное питание. Договоримся, думаю, сообща: вы, кто держит живность, пожертвуете килограммом-другим мяса, десятком яиц, а появятся финансы — рассчитаемся. Так и жили...

Поведала Нина Корнеевна и печальную историю о внезапной смерти своего сына, о муже — Аркадии Павловиче Бородине — бывшем военном летчике, который вместе с земляками Б. А. Должиковым и В. Д. Кураевым окончили летное, авиационное училище летчиков в Челябинске и с неба громили врага. Который, проработав после войны около двадцати лет специалистом в управлении сельского хозяйства, умер от ран... Был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны, медалями.

История города богата замечательными людьми, и каждому в день его юбилея хочется отдать дань благодарной памяти, вспомнить поименно.

Для эвакуированных из западных областей Украины, а также детей - сирот из Башкирии в августе 1944 года в Дарьино открылся детский дом. Нужно было обогреть детей и теплом и заботой, и накормить, поэтому приходилось держать при детдоме подсобное хозяйство: трех коров, свиней, двух рабочих лошадей для хозяйственных работ, быков

**Арбузова, М. Дарьинский детский дом [Рукопись]
/ М. М. Арбузова. - Дарьино, 2004. - 1 с.**

В августе 1944 года в селе Дарьино в здании начальной школы был открыт детский дом для эвакуированных из западных областей Украины, а также детей-сирот из Башкирии. Первые пятьдесят детей приняли воспитатели Женина Т. И., Лазарева В. А., Калмыкова К. Е., Гусева В. И., Брызгалова А. К., Торгашова К. Е. и директор дома Струкова В. С. Вскоре поступили еще семьдесят детей, которых разместили в четырех группах-комнатах. В 1945 году на крыльцо Партизанского сельсовета кто-то подкинул новорожденного младенца, его тоже поместили в детском доме под именем Павел Неизвестный.

Много приходилось работать сотрудникам детдома, держали подсобное хозяйство: трех коров, свиней, двух рабочих лошадей для хозяйственных работ, быков. На тягловой силе возили дрова с кордона на расстоянии восемнадцать - двадцать километров, дрова заготавливали своими силами, вручную пилили в лесу и кололи. Нужно было обогреть детей и теплом и заботой. За время работы детского дома не было ни одного случая смерти детей. Весь штат дома заботился о детях. Общей любимицей была баба Маша – ночная няня, жившая при детском доме.

В августе 1947 года по направлению районного отдела народного образования прибыли специалисты Куприянова А. И., Птахина А. П. (Бурова в замужестве), Скоблова А. И., Лакова К. И., Первушкина З. И., Иванова М. И. С их приходом воспитательная

*Макет Дарьинского детского дома.
Экспонат Партизанского историко-краеведческого музея*

работа очень оживилась, много умения, выдумки, творческого замысла вкладывали они в свою работу.

В 1950 году директором детского дома стал Дрозд Н. П., завучем по учебно-воспитательной работе – Птахина А. П. В это время дети занимались в Партизанской восьмилетней школе. Свободных комнат для занятий не было, в спальнях готовили уроки. Из ста двадцати детей в учебе не успевали только двое – из-за дефекта речи. Дрозд Н. П. много способствовал улучшению быта детей. Его заменил Воинцев И. В. – при нем уже, в августе 1955 года детский дом закрыли, детей распределили по другим домам – Ировскому, Петровскому.

Часть архивных документов по Дарьинскому детскому дому находится в Мелеузе, а часть – в Ермолаевке – это «Книга движения воспитанников», которую вела Птахина А. П. Имеется список воспитанников детского дома, которые до сих пор не забывают своих воспитателей, ведут переписку и навещают их. А здание детского дома в настоящее время является жилым помещением.

...Жили мы тогда в детском доме в Воскресенском. Первое время еще был свет, по радио сообщали плохие вести, мы слышали, как бомбят Москву, переживали. Мужчин у нас не стало, одни женщины и мы, дети. Жить стало хуже, приходилось все делать самим. Детдом взял большой участок земли на первом ключе, в лесу. Каждая группа работала на своих грядках. Вместе со взрослыми мы выращивали овощи, осенью убирала и свозила в хранилища.

Пишу от имени всех, с кем прожила трудные годы войны 1941 - 45. Мы не стреляли, не били фашистов, но Великая Отечественная война была в нашей, в моей жизни.

1941 год. Июнь. День солнечный, идем с речки, переходим вброд, так ближе. Кругом: «Война, война с немцами!» Потом услышали по радио, как говорил Молотов о войне. Нам одиннадцать - двенадцать лет, жили мы тогда в детском доме в Воскресенском.

Военкомат - через дорогу. Начались проводы, слезы. В церкви (до войны была, шли службы) - дом обороны. На поляне перед детским домом (бывший дом Пашкова, ныне интернат) обучают призывников. Вижу среди них мужа нашей воспитательницы Анастасии Павловны Белюновой, он шутит.

Забирают девочек самых красивых, по нашему мнению. Помню проводы директора детдома Гареева, мы плачем, заваливаем тарантас цветами. Его дети любили. При нем все было для нормальной жизни детей. В парке - цветники, беговые дорожки, физкультурный городок, качели, гигантские шаги, столики для отдыха, пионерская площадка с подъемным флагом. Ближе к реке - небольшой участок земли с грядками, там мы учились выращивать овощи. Не поверите, иногда нас кормили зайчиной. Зайцев доставлял дядя Вася Рамазанов.

Первое время еще был свет, по радио сообщали плохие вести, мы слышали, как бомбят Москву, переживали. Мужчин у нас не стало, одни женщины и мы, дети. Жить стало хуже, приходилось все делать самим. Детдом взял большой участок земли на первом ключе, в лесу. Каждая группа работала на своих грядках. Вместе со взрослыми мы выращивали овощи, осенью убирали и свозили в хранилища. По-видимому, этого не хватало, мы были голодные. Первой зимой сожгли весь запас дров. Стали сами заготавливать дрова. Летом только тележку тяжело тащить, а зимой... Иногда валили деревья, распиливали и возили домой на санках. Кололи тоже сами. Я любила колоть, особенно если трудный комель, была настырная.

А вот и горе - похоронка на мужа нашей учительницы Антонины Дмитриевны Солевой. Два дня она не была на работе, потом пришла, ее было трудно узнать. У них было трое детей.

А жить становилось все хуже, очень голодно. Летом выручали лес, речка, трава. Зимой одолевали вши. Света не стало, пользовались коптилками. Когда их не было, жгли лучины. Мы продолжали ходить в школу, дома делали уроки. Тетрадей не стало. Писали на книгах, между строк. Сначала как-то твердо установили: хлеба утром сто пятьдесят граммов и чай, в обед сто граммов и суп, вечером сто пятьдесят граммов и картофель. Потом начались перебои, нехватка того или другого. Иногда был один обед из ста граммов хлеба и супа, иногда его совсем не было. Помню такой случай. Нам не дали обеда, а в школу идти во вторую смену. Бежим в калошах (зимой), на головах - полотенца и кричим: «Голодное брюхо к науке глухо!»

На следующее лето стали посылать работать в колхоз. Пололи все, убрали картофель, веяли, скирдовали, подбирали за женщинами снопы и складывали в крестцы. Труднее всего было скирдовать. Давали двум по два шеста, мы накладывали на них снопы и несли к стогу. Трудность была даже не в тяжести, а в том, что мы были босиком. Летом обувь у нас отбирали в целях экономии. Ноги раздирали в кровь, уснуть потом было трудно, ноги горели. Работать ходили далеко и рано, еще роса, а мы идем и оставляем после себя босыми ногами след. Это я помню. Рано поднимали нас поливать капусту и помидоры, а это в лесу. Полюем свое и по ягоды идем. Солнце уже греет, нам хорошо.

Однажды нашу группу послали скирдовать в Береговку. День работаем,

никто нас не кормит. Вечером голодных положили спать на какую-то сцену, прямо на голый пол. Утром еле поднялись, все тело болит, как будто опухшее. Кушать не дали. Пришлось сбежать домой. Нас поругали и только. А то было и так. После окончания пяти классов из детдома отправляли первую партию детей на учебу или работу - не знаю. Одна девочка, Нюра Кувайцева, сбежала из этого «рая», ей было тринадцать лет. Ее поймали и осудили на два года тюрьмы или лагеря. Когда мы учились уже в восьмом классе, она вернулась в детдом. Куда ей было еще идти? Детдом помог ей устроиться на работу.

Помню, при коптилке нащипывали большие кучи шерсти, потом пряли и вязали. Вязали на фронт носки и варежки, варежки иногда с двумя пальцами. Я любила вязать. Все спят уже, а я довязываю варежку. Другой раз вязала и учила уроки. Воспитательница увидела, отругала: «Профессор, какой!» Шили и вышивали кисеты для бойцов, потом собирали посылки и отправляли на фронт. Я на кисете вышивала розочку - крестиком. Коптилка чадит, а я считаю ниточки, и делаю крестик за крестиком. И сейчас эта розочка у меня перед глазами. Много собирали лекарственных трав, сушили и сдавали в аптеку. За это нам давали сахарин. Как-то весной кончилась картошка, нас с мешками послали в Хлебодаровку за ней. Это через поле и лес. Было тяжело, а Хлебодаровка запомнилась тем, что все были одеты в холсты: женщины, девочки и мальчики. Сейчас я часто езжу хлебодаровским автобусом

и вижу, как хорошо одеты люди. Зимой - меха, летом - шелка, особенно молодежь. Нас обували в ступки (лапти - калоши). По тем временам это был предел мечтаний.

В школе радио работало. Когда Левитан передавал сообщения Информбюро с фронта, занятия на это время прерывались.

Появилось много эвакуированных, некоторые работали в детдоме и в школе. Всем было трудно, но вместе с ними нам было легче. Паники не было. Все верили в победу.

Директором детдома стала замечательная женщина из Винницы по фамилии Дума. Мы ее любили за заботу о нас. Кушать взрослым в детдоме запрещалось, даже поварам. Когда они, повара, все же кушали, то выставляли охрану из детей-дежурных, чтобы не накрыла Дума. Как-то я зашла к ней домой, она жила при детдоме, и увидела большую красную свеклу. Заметив, что я смотрю на это чудо, сказала: «На три дня хватит». Поэтому пайки наши из горохового, просяного и ржаного хлеба были честными. При ней мы кушали «голубцы», «огород». Это было очень вкусно.

Еще у нас была ночная няня тетя Лена, которая следила за порядком ночью. Строгая, мало говорила, но ее все боялись. Ночью проснешься, она ходит с коптилкой между коек, поправляет на нас одеяла. От этого становилось тепло и спокойно.

Мы отмечали праздники, готовили концерты. Руководила художественной самодеятельностью воспитательница Анастасия Павловна Белюнова. Поблажки никому не давала, ругала за плохие отметки. Построила как-то нас и говорит: «Что вы должны делать, когда идет война?» «Идти на фронт», - отвечали мы». «Вот дурные, кто вас туда возьмет. Вам нужно учиться

Здание Воскресенского детского дома (бывший дом Пашкова)

отлично».

Но когда мы готовили с ней концерт, она шутила и смеялась с нами, смех её я до сих пор помню. Даже «Цыган» А. Пушкина ставили. А в 1943 году она получила похоронку на мужа и письмо от командира части о том, как погиб ее муж. «Сохраню это письмо для сына, когда вырастет - прочитает», - говорила она.

Был у нас и хор. Все песни тех лет мы знали и пели. Военные, блатные, народные, лирические. Песни - это что-то неотделимое было от нашей жизни. На сцене - это одно. А вот вечером летом сядем на большое крыльцо (дом Пашкова) человек 50-60 и больше и поем на все село. И нам хорошо, мы вместе, мы растем; мы обо всем забываем, иногда и

плакали. Вот в кино пришли, движок сломался. Пока его налаживают, мы в темном зале поем: «Бьется в тесной печурке огонь»... Пели в темной зимней комнате перед горевшей печкой. С подружкой Валей Андреевой мы исполняли дуэтом «Челиту». Дурачимся, пританцовываем и поем перед дежурной по кухне. За это что-нибудь получали съедобное. Болели мы как-то мало. Были худые, слабые, светились все, по словам деревенских, но с голоду не

Занятие с учащимися ведет воспитатель Анастасия Павловна Белюнова. Справа за столом (девочка в белых носках) - автор, воспитанница детдома, 1945 год

умирали.

К концу войны радио у нас снова заработало. Я же любила читать. В Воскресенском была замечательная библиотека. Вечерами я подолгу читала, поэтому часто первая узнавала новости с фронта, какой город наши взяли. Так в мае 1945 года вечером уже услышала что-то насчет конца войны. По-видимому, речь шла о капитуляции Германии. Утром в семь, ночь почти не спали, побежала к завучу, она жила при детдоме, узнать точно, что это. Завуч тоже услышал утром. Война кончилась! Радость была неопишуемая. Вдруг все стали ходить толпами по селу, говорить, поздравлять, смеяться, плакать. А потом я услышала стук топора, где-то рядом что-то начали строить. Этот звук был странным и радостным. Это вернулись мужчины. Жизнь продолжалась.

Сиротливо выглядела и школа. Был единственный школьный спутник-утешитель – звонок. Дети любили дежурить, чтобы только поддержать этот колокольчик. Не было учебников, их давали только по одному экземпляру на школу. Домашних заданий тоже не было, так как писать было не на чем и нечем. Читали тексты старых газет. Дети писали углем на досках. Чернила выжимали из разных растений. Вид детей был ужасный: с печальными, припухшими глазами. Когда заходил разговор о хлебе, у них загорались глазки, текли слюнки.

"Летний, палящий небывалой жарой день. Идет Великая Отечественная. Районный центр, рабочий поселок Мелеуз замер в тревожном ожидании очередных вестей с фронтов. Окна домов оклеены крест-накрест бумажными полосками - под Соль-Илецком фашистские самолеты сбросили свои бомбы. Казалось, жизнь в посёлке приостановилась. Но это только внешне. Круглосуточно работают завод сухого молока, авторемонтный, лесозавод. На полях женщины заготавливают сено, убирают хлеб. Все - для фронта! И только одиночные милиционеры на велосипедах или пешком контролируют полупустые улицы. Да еще мы, вездесущие мальчишки, не успевшие со своими классами выехать в колхозы и совхозы, слоняемся из угла в угол, настороженно прислушиваясь ко всякого рода событиям. Пронесся слух, что в Мелеуз привезли испанских детей и их, якобы, сейчас размещают в деревянной школе.

Испуганные, примерно нашего возраста, девочки и мальчики прижимались к своим воспитателям, поглядывая на нас и на то, как разгружают вещи с машин. Запомнились их острые, светящиеся угольками глаза на смуглых от загара личиках. Поразили еще рыжие, точнее - огненные копны волос у некоторых девочек - чего доселе мы на своих никогда не видели" - вспоминает М. Г. Пильнов.

Война с фашистами в Испании шла с 1936 года. На стороне испанцев воевали около сорока пяти тысяч добровольцев из пятидесяти стран мира, в том числе три тысячи из Советского Союза. Сто девяносто восемь наших воинов остались навечно лежать в испанской земле. В 1936 - 1937 годах в СССР вывозили испанских детей спасая их от кровопролития в гражданской войне. Совет народных комиссаров Башкирской АССР решением от 10 августа 1942 года постановил разместить эвакуированные детские дома для испанских детей в городе Бирск, Благоварском и Илишевском районах и в рабочем поселке Мелеуз. В Мелеуз прибыл Харьковский детский дом с контингентом сто одиннадцать человек. Это были серьезные, молчаливые ребята.

А через некоторое время зазвенела испанская считалочка, которую выучила и до сих пор помнит Мария Ивановна Шиблева (в замужестве Гришина):

Алко чери туре
Мидихи на чирле
Киси киси орле
Монтари кочирле
Аромбари Мария
Кисике лютрусия
Алко, алко, Мария

В конце войны испанский детский дом уехал из Мелеуза. Но были встречи мелеузовцев с испанскими друзьями детства.
Об этом свидетельствуют воспоминания:

Дети Испании на Мелеузовской земле [Рукопись] : исторические материалы / Мелеузовский историко-краеведческий музей; ред. Ф. Ф. Азнаева. - Мелеуз, 2009. - 5 с.

Почти три года в Испании шла гражданская война. 17 июля 1936 года войска генерала Франко, поддерживаемые Гитлером и Муссолини, подняли мятеж и выступили против правительства республики и народа, оказавшего фашистскому режиму сильнейшее сопротивление. В этой борьбе на стороне республиканцев выступили сорок пять тысяч

антифашистов, прибывших на защиту испанской республики из пятидесяти стран мира. Советский Союз направил на Пиренейский полуостров около трех тысяч воинов-добровольцев всех родов войск. Туда же страной было поставлено шестьсот сорок восемь самолётов, триста сорок семь танков, более тысячи орудий. Сто девяносто восемь наших воинов остались навечно лежать в испанской земле.

В годы Великой Отечественной войны испанцы, в свою очередь, воевали на наших фронтах. Среди них были и «дети войны», испанские ребята, которых вывезли в 1936 – 1937 годах в СССР, спасая от гражданской войны. Двести испанцев с оружием в руках отстаивали свободу и независимость второй своей Родины, приютившей их в лихую годину.

Детские дома с испанскими детьми, размещенные в западных областях СССР, были эвакуированы на восток, часть их прибыла в Башкирию. Совет народных комиссаров Башкирской АССР решением от 10.08.1942 постановил: 1. Разместить эвакуированные детские дома для испанских детей в следующих районах: а) детский дом № 2 с контингентом двести двадцать три человека – в г. Бирске; б) детский дом № 3 с контингентом сто пятьдесят три человека – в новом здании Языковской средней школы Благоварского района; в) детский дом № 12 с контингентом сто тридцать человек – в Андреевской средней школе Илишевского района; г) Харьковский детский дом с контингентом сто одиннадцать человек – в поселке Мелеуз. Обязать Наркомторг БАССР выделить для эвакуированных детских домов фонды на шестьсот двадцать три человека, а Башсоюзу организовать бесперебойное снабжение продуктами питания.

ЦГИА РБ. Ф.798. оп.8. д.1246. л.123.

В Хрестоматии по истории Башкортостана в XX века. Уфа, 2005, стр.106-107.

Уже мало осталось в живых мелеузовцев, которые могут рассказать об испанских детях. Краткое воспоминание оставила Анна Андреевна Данилова (в девичестве Бритова), в 1942-1946 годы работавшая первым секретарем Мелеузовского Районного Комитета ВЛКСМ: «Старожилы – мелеузовцы помнят приезд в наше село испанских детей, эвакуированных из западных областей Советского Союза. Испанские дети как могли, помогали фронту: выступали с концертами и вырученные деньги вносили в фонд обороны. Четыре тысячи рублей, которые получили от концерта, были посланы детям освобождённого Харькова».

«Летний палящий небывалой жарой день. Идет Великая Отечественная война. Районный центр, рабочий посёлок Мелеуз замер в тревожном ожидании очередных новостей с фронта. Окна жомов оклеены крест-накрест бумажными полосками – под Соль – Илецком фашистские самолёты сбросили бомбы. Казалось, жизнь в посёлке приостановилась. Но это только внешне. Круглосуточно работают завод сухого молока, авторемонтный, лесозавод. На полях женщины и дети заготавливают сено, убирают хлеб. Все – для фронта! И только одиночные милиционеры на велосипедах или пешком контролируют полупустые улицы. Да ещё мы, вездесущие мальчишки, не успевшие со своими классами выехать в колхозы и совхозы, слоняемся из угла в угол, настороженно прислушиваясь к всякого рода событиям. Пронесся слух, что в Мелеуз привезли испанских детей и их, якобы, сейчас размещают в деревянной школе.

Испуганные, примерно нашего возраста, девочки и мальчики прижимались к своим воспитателям, посматривая на нас и на то, как разгружают вещи с машин. Запомнились их острые, светящиеся угольками глаза на смуглых от загара личиках. Поразили ещё рыжие, точнее – огненные копны у некоторых девочек, чего доселе не видели. Спустя какое-то время, испанских ребят перевели в Дом обороны (недавнее здание СПТУ-109), что находилось рядом с сегодняшней церковью. Там и было обосновано для них постоянное место жительства. Война в 1942 году «вытащила» меня из-за школьной парты, не дав закончить десятый класс, и след испанских детишек для меня на семь лет оборвался.

О том, как сложилась в дальнейшем их судьба, в отрывочных рассказах

поведали старожилы – мелеузовцы, откликнувшись на обращение нашей газеты поделиться воспоминаниями о том времени. Первый телефонный звонок раздался от Ивана Павловича Щербакова. Он вспоминал, что, будучи шофёром автоколонны №1839 (тогда считалась автобазой) возил на «ЗИСе» в Стерлитамак хлеб. Там, на одной из пекарен, на двух газогенераторных «ГАЗиках», работали посланные в командировку трое испанских ребят. Это Виктор Пастор, Валентин Марео. К сожалению, фамилия и имя третьего забылись. Ребята возили на своих «самоварах» на станцию сухари для фронта. Полкузова чурок – «горючего» для «самодвижущихся экипажей по безрельсовым дорогам», вторая половина – для грузов. И вот на этих машинах мелеузовские девчата и испанские ребята возили хлеб и в Стерлитамак, и в Назаркино, и по другим адресам.

Его рассказ дополняет старейший водитель автоколонны Хасан Ахметшин, который тоже знал этих ребят и одному из них, Валентину, даже сосватали невесту, уговорив, женится на приглянувшейся ему местной девушке в деревне Назаркино. И как знать, может, и сегодня живут там люди, чьи корни, не засохнув под пластом времени, произрастают побегами от испанского юноши.

В фотоальбоме 1967 года о городе Мелеузе его автор – Ярыгин Н. В., приводит статью из местной газеты от 25.02.59 года, подписанную корреспондентом К. Конновым. В ней есть такие строки: «...В одном из новых домов выделена квартира семье Хозе Коля Гальбеса, который во время войны в Испании в 1936 году ребенком был эвакуирован в Советский Союз. В Мелеузе Гальбес получил среднее образование, работал в райместпромкомбинате. В 1956 году он решил уехать в Испанию, но, пробыв там, около двух лет, испытал всю тяжесть жизни, снова вернулся в Мелеуз.

– Моя настоящая Родина – Советский Союз, – заявил он. Работает он снова в райместпромкомбинате».

По утверждению Ларисы Николаевны Асташковой в Тюльгане и сегодня должна проживать большая семья испанского юноши по имени Франсе Приоры.

- Мне было тринадцать, - вспоминает наша мелеузовская долгожительница Тамара Васильевна Анисимова, - когда я устроилась в этот испанский детдом санитаркой. Я их и обмывала, и матрасики за ними вытряхивала и даже лечила. Многие из них к нашему суровому климату были не приспособлены и часто болели. А чтобы совсем не отощали, поила их рыбьим жиром.

- А я помню испанских ребят, - вспоминает Леонид Павлович Дегтярёв, - работавших у нас на заводе сухого молока. Было их трое, один трудился в консервном цехе, двое других пилили дрова и делали все, что им поручали. Моя мама носила им в крынках молоко, обменивая его там на хлеб. Мы же общались с испанскими ребятами через забор, благо жили рядом. Запомнились их белые и красные пилотки – испанки с кисточками, которые они носили на голове.

А вот рассказ жительницы деревни Константиновка колхоза им. Шевченко Александры Иосифовны Скибо:

- Где-то в 1942 году к нам в деревню прислали трех испанских ребят. Я в то время работала учётчицей тракторной бригады и помню, как они трудились у нас на равных, кто на сеялке, кто на согребалке, кто водовозом.

Иван Иванович Чуриков даже сохранил в памяти имена нескольких испанских ребят, с которыми он в 1944 – 45 годах учился в восьмом «А» классе средней школы №1, где ныне находится здание управления соцзащиты. Это – Фердинанд Америкго, Гарсия Хосе, Сантос Мария и Анна. Гарсия был одарённым математиком и обладал голосом Левитана. Учились все на русском, ходили, даже зимой, без головных уборов, в легких пальто и ботинках.

Анна Федоровна Николаева тоже училась с испанскими ребятами в девятом классе в той же школе и по сей день помнит их по именам. Это девочки Хосе Свена, Эмилия, Эльза; из мальчиков - Артура Мануэль, Эмилио, Перес, Родригес. В 1945 году все они выехали в Подмосковье.

А Екатерина Ефремова даже помнит песни, которые любили и распевали испанские дети, в основном – русские. Вот строки одной из них: «... в белом халате, обрызганном кровью, тихо сестра подошла и сразу узнала родимого брата (красно-балтийского моряка), и тихо рыдать начала...»

Ну, а к воспоминаниям Ираиды Ивановны Соловьёвой, Тамары Николаевны Новиковой (Песковой), Анастасии Семеновны Наумовой и своим остается лишь добавить, что все мы знали и помним испанского юношу по имени Хосе Коль-Гальбес. Он встретил у нас в Мелеузе «сеньориту Гуапу», по-испански – красавицу Таню, племянницу нашей милой и строгой учительницы географии и истории Надежды Федоровны Хохловой. Со своей семьёй он дважды выезжал в Испанию, но из-за гонения фалангистов (испанских фашистов) и отсутствия хоть какой-то работы, попрощавшись с родственниками, снова вернулся на свою, как он говорил, вторую Родину - Советский Союз. Работал на лесозаводе (ныне мебельный цех), на деревообрабатывающем комбинате, а впоследствии, в 1960-х годах, затерялся» (из статьи М. Пильнова «NO PASSARAN! Враг не пройдет!» *Путь Октября*. 27.01 2000).

В 1997 году в Мелеуз из Запорожья пришло письмо, напомнившее о пребывании испанских детей на мелеузовской земле. Вот его содержание:

«Запорожье, 22 января 1997 г.

Уважаемый председатель! Я и моя жена обращаемся к Вам с просьбой разрешить (если сможете) один важный вопрос для нас. Дело заключается в следующем. С 1942 по 1945 год наш испанский детский дом находился в городе Мелеуз. В детском доме мы учились в средней школе, а летом (во время летних каникул) и до октября месяца мы работали в колхозах. К сожалению, мы не помним ни местонахождение колхозов, ни их названия. Наша просьба заключается в следующем: нам необходимо получить от Вас справку (каждому из нас отдельно) о том, что в 1942-1945 годах мы работали в колхозах. Это необходимо нам, чтобы получить звание статуса «участника войны», по которому нам предоставляются некоторые льготы по уплате квартиры. Мы понимаем, что должны были обратиться к дирекции нашего детского дома. Но дело в том, что наш испанский детский дом давным-давно не существует. Поэтому обращаемся к Вам, надеясь, что у Вас есть сведения о том, что воспитанники нашего дома (в том числе и мы) участвовали во время Отечественной войны в сельскохозяйственных работах.

Очень просим Вас не отказать в нашей просьбе. Заранее благодарим Вас.

С уважением Рамирес – Ревилья Педре, Пуче – Кольменеро Франциска.

P.S. Наш адрес: Украина, 330002 г. Запорожье, ул. Запорожская 11 – 1»

Из статьи В. Бакурова «Очевидец важных событий в Мелеузе» (о торговом доме купца Усманова, в котором находились в своё время школы): «... Большое значение для воспитания нашей молодёжи в духе интернационализма имеют беседы, посвященные рассказу об испанских детях, которые жили в Мелеузе и учились в здании школы. В 1942 году у нас находился эвакуированный из города Харькова детский дом испанских детей, отцы которых погибли в годы борьбы за республику в 1936-39 годах. Дружба испанцев и жителей Мелеуза, активное участие испанских детей в сборе средств на танковую колонну имени Александра Матросова, их помощь детям города Харькова – все это не может не волновать нашу молодёжь»

В газете «Путь Октября» за 7 июня 2007 года вновь напечатана статья с воспоминаниями об испанских детях – «А мамита – мама значит». Зоя Александровна (Алексеевна?) Захарова (1934 года рождения) рассказала как соседка, живущая по улице Чернышевского, - тетя Маруся Кочемасова, работавшая в детском доме, каждые выходные забирала испанских ребят к себе. – У неё было четверо ребят, у нас четверо, на улице много детей было, - вспоминает она, - вот все вместе мы и играли. Испанцы учили нас говорить на своем языке, мы их обучали русскому. И им весело было, забывали о своем сиротстве, да и мы с интересом общались с теми, кто знает, что такое война...

Вера Иосифовна Алёхина работала в годы войны учителем начальной школы. Она вспоминает: «У нас в деревянной школе до четвертого класса учились дети-испанцы. Замечательные, живые, подвижные ребята. До сих пор помню отличницу и умницу Лену Коль. Дети хорошо говорили по-русски, с ними были воспитатели-испанцы. Они разговаривали с детьми на родном языке (наверное, с тем, чтобы не забыли испанский). Приходили ученики в школу всегда очень аккуратные, подтянутые. Снабжали детский дом замечательно по тому времени. Во всяком случае, питались они лучше, чем остальные. С пятого класса ученики занимались в кирпичной школе. Мальши учились, ребята постарше, как и другие их ровесники, совмещали учебу с работой: летом – в колхозах, в остальное время – на предприятиях Мелеуза».

Ю. М. Ростовцева вспоминает: «Мы жили во дворе лесозавода (в последствии мебельного цеха). Папа – Михаил Михайлович Ростовцев – был первоклассным столяром. Вот ему-то и поручили обучить специальности двадцать испанских ребят. Долгое время в нашей семье хранилась фотография, подаренная одним из учеников с надписью: «мастеру от Хосе». Серьезные, молчаливые были ребята».

Если малыши легче сходились с людьми, то ребята постарше старались держаться вместе, кучкой. И все же открыты, добры были они на искреннюю заботу и внимание. Так, Анна Федоровна Николаева (1927 года рождения, девичья фамилия Фролова) рассказала о том, что в 1944 году училась в девятом классе: «Класс был небольшой – девять человек. К нам привели семерых испанцев: трех девочек – Хосефина, Эмилия и Эльза Перес и четырех юношей – Адольф Артур Мануэль, Хосе Перес, Эмилио Хулио Эмилио, Родригес. Вместе мы проучились год. У испанцев была хорошая концертная бригада, и они всегда выступали на праздниках. Их отличали аккуратность и добротность в одежде. Были все они доброжелательны и общительны. Каждый день ходили на свой огородный участок, что расположен был в районе нынешнего сахарного завода. Попрощались мы в конце учебного года в 1945 -ом...».

Венера Георгиевна Алеева (в девичестве Смолина) рассказала о том, что в годы войны училась вместе с испанскими детьми и дружила с Хулией и рыженькой, хорошенькой Весентой. Девочки приходили домой к Смолиным, шили на машинке немудреные девичьи наряды. В конце войны испанский дом уехал из Мелеуза. Но была ещё одна встреча. Венера Георгиевна вспомнила, что в 1953 году вместе с мужем жила в Москве (он учился, она работала). Однажды ей позвонили, что муж с высокой температурой попал в институт Склифосовского. «Примчалась я в больницу – рассказывает Венера Георгиевна, - мечусь, места себе не нахожу. Потом села в коридоре, голову обхватила. И вдруг чувствую, меня кто-то обнимает в белом халате, прижимает к груди. Смотрю, а это моя подруга Хулия. Она тут же повела меня в кабинет, где находилась вторая моя подруга Весента. Обе они – врачи, работали в институте Склифосовского, рассказали, что Мигель (еще один наш одноклассник) – хирург».

Много интересного рассказала о ребятах-испанцах, работавших водителями, ветеран труда Клавдия Михайловна Агеева (в девичестве Посашкова). «Я была стажёркой у водителя Виктора Пастера. Живой, маленький он очень любил девушку-испанку из своего детского дома. Звали её Лола. Вот он и напевал все: «Лола, Лиолита». И меня все просил петь русские песни. Вместе с нами работал ещё Валентин Марео и высокий усатый красавец Лассон. Возили мы разный груз. В одном из рейсов Лассон (он ездил на «ЗИСе») вез семечки и в районе цыганской поляны, что рядом с Уфой, не справился с управлением и убился насмерть. Хорошие ребята были, добрые, испанцы всегда держались вместе».

Отзываясь на раннюю публикацию в газете, позвонил И. Ш. Халитов. Он сообщил, что, работая в Тюльгане, был знаком с испанцем Приор Францем, упоминаемом в статье. Тот работал электриком, был женат на русской женщине, имел большую семью. Приор рассказывал, что вместе с братом жил в детском доме. Затем брат вернулся в Испанию, ездил туда и Приор, но не прижился, вернулся в Россию. Мы нашли телефон одной

из дочерей Приора. Она рассказала, что отец уже умер, и что она ничего не знает...

Проходит время, но ещё появляются весточки об испанских детях, что приютила мелеузовская земля. О них вспоминает Андрей Ильич Гаврилов – коренной мелеузовец, 1928 года рождения. Здесь, в Мелеузе прошло его детство, опаленное войной, отмеченное сиротством – отец погиб на фронте, а их в семье было девять человек. Он тоже отмечает, что испанские дети были доброжелательными, хорошими друзьями, общительными. Андрей Ильич вспоминал, с каким интересом смотрели они, подростки, спектакли, что ставили испанские школьники. Как общались с ребятами-испанцами, работавшими вместе с ними, водителями и стажёрами в автоколонне. Дружба на равных, а что было делить им, детям войны, одинаково страдающим от сиротства и горечи утраты? Когда пришло время возвращаться испанскому детскому дому в Харьков, многим взгрустнулось. Тяжело было расставаться с друзьями. Судьба подарила Андрею Ильичу ещё одну встречу с памятью. В 1981 году ему, передовику производства, выделили путевку в круиз по Средиземному морю на теплоходе «Белоруссия». В Барселоне за группой закрепили гида. Испанка прекрасно говорила на русском языке. Назвавшись Марией, она первым делом спросила: «Есть ли кто из Башкирии, из Мелеуза?». Оказалось, что Мария вместе с сестренкой в годы войны была в детском доме в Мелеузе и Зиргане. Вернувшись в Испанию, вышла замуж, муж работает вместе с ней – он водитель автобуса в «Интуристе». Сестра живет одна. На прощание Мария подарила открытку и попросила передать привет жителям Мелеуза и Зиргана, поблагодарила их за доброту и любовь.

**Пильнов, М. Г. No pasaran – враг не пройдет [Текст] / М. Г. Пильнов
// Путь октября. – 2000. – 27 января. – С. 3.**

64 года назад в Испании вспыхнула гражданская война, длившаяся почти три года. 17 июля 1936 года войска генерала Франко, поддерживаемые Гитлером и Муссолини, подняли мятеж и выступили против правительства республики и народа, оказавшего фашистскому режиму сильнейшее сопротивление. В этой борьбе на стороне республиканцев выступили сорок пять тысяч антифашистов, прибывших на защиту испанской республики из пятидесяти стран мира. Наша Родина направила на Пиренейский полуостров около трех тысяч воинов-добровольцев всех родов войск, поставив шестьсот сорок восемь самолетов, триста сорок семь танков, более тысячи орудий. Сто девяносто восемь наших воинов остались навечно лежать в испанской земле. Сегодня из трех тысяч интернационалистов в живых осталось менее пятидесяти.

В годы Великой Отечественной войны испанцы, в свою очередь воевали на наших фронтах. Среди них были и "дети войны", испанские ребята, которых вывезли в 1936-1937 годах в СССР, спасая их от кровопролития в гражданской войне. 200 испанцев с оружием в руках отстаивали свободу и независимость второй своей Родины, приютившей их в лихую годину.

- У всякой эпохи, - писал Д. Бедный, - свои слова, от которых кружится голова. В числе этих слов особенно ярко выделялись два, служившие паролем для всех честных людей мира и приговором фашизму: но pasaran, что в переводе означает: враг не пройдет!

- Летний, палящий небывалой жарой день. Идет Великая Отечественная. Районный центр, рабочий поселок Мелеуз замер в тревожном ожидании очередных вестей с фронтов. Окна домов оклеены крест-накрест бумажными полосками - под Соль-Илецком фашистские самолеты сбросили свои бомбы. Казалось, жизнь в посёлке приостановилась. Но это только внешне. Круглосуточно работают завод сухого молока, авторемонтный, лесозавод. На полях женщины заготавливают сено, убирают хлеб. Все - для фронта! И только одиночные милиционеры на велосипедах или пешком контролируют полупустые улицы. Да еще мы, вездесущие мальчишки, не успевшие

со своими классами выехать в колхозы и совхозы, слоняемся из угла в угол, настороженно прислушиваясь ко всякого рода событиям. Пронесся слух, что в Мелеуз привезли испанских детей и их, якобы, сейчас размещают в деревянной школе.

Испуганные, примерно нашего возраста, девочки и мальчики прижимались к своим воспитателям, посматривая на нас и на то, как разгружают вещи с машин. Запомнились их острые, светящиеся угольками глаза на смуглых от загара личиках. Поразили еще рыжие, точнее - огненные копны волос у некоторых девочек - чего доселе мы на своих никогда не видели. Спустя какое-то время ребят перевели в Дом обороны (недавнее здание СПТУ-109), что находилось рядом с сегодняшней церковью. Там и было обосновано для них постоянное место жительства. Война в сорок третьем "вытащила" меня из-за школьной парты, не дав закончить десятый класс, и след испанских ребятишек для меня на семь лет оборвался.

О том, как сложилась в дальнейшем их судьба, в отрывочных рассказах поведали недавно старожилы - мелеузовцы, откликнувшиеся на обращение нашей газеты поделиться воспоминаниями о том времени. Первый телефонный звонок в моей квартире раздался от товарища нашего детства Ивана Павловича Щербакова.

Будучи шофером автоколонны "1839" (тогда она считалась автобазой и за свой век сменила с десятков названий) возил на "ЗИСе" в Стерлитамак хлеб. Там, на одной из пекарней на двух газогенераторных "ГАЗиках", работали посланные в командировку трое испанских ребят. Это Виктор Пастор, Валентин Марео. К сожалению, фамилия и имя третьего в памяти не остались. Ребята возили на своих "самоварах" на станцию сухари для фронта. Полкузова чурок - "горючего" для "самодвижущихся экипажей по безрельсовым дорогам", вторая половина - для груза. И вот на этих "телегах на колесах с дровяной тягловой силой" мелеузовские девчата и испанские ребята возили хлеб и в Стерлитамак, и в Назаркино, и по другим адресам.

Его рассказ дополняет старейший водитель автоколонны Хасан Ахметшин, который тоже знал этих ребят и одному из них, Валентину, далее сосватал невесту, уговорив жениться на приглянувшейся ему местной девушке в деревне Назаркино. И как знать, может, и сегодня живут там люди, чьи корни, не засохнув под пластом времени, произрастают побегими от испанского юноши. Очень надеюсь получить оттуда хоть какую-нибудь весточку, как равно и из Тюльгана, где по утверждению Ларисы Николаевны Асташковой и сегодня должна проживать большая семья испанского юноши по имени Франсе Приоры.

- Мне было тринадцать, - вспоминает наша мелеузовская долгожительница Тамара Васильевна Анисимова, - когда я устроилась в этот испанский детдом санитаркой. Я их и обмывала, и матрасики за ними вытряхивала, и даже лечила. Многие из них к нашему суровому климату были не приспособлены и часто болели. А чтобы совсем не отошдали, поила их рыбьим жиром.

- А я помню испанских ребят, - вспоминает Леонид Павлович Дегтярев, - работавших у нас на заводе сухого молока. Было их трое, один трудился в консервном цехе, двое других пилили дрова и делали все, что им поручали. Моя мама носила им в крынках молоко, обменивая его там на хлеб. Мы же общались с испанскими ребятами через забор, благо жили рядом. Запомнились их белые и красные пилотки-испанки с кисточками, которые они носили на голове.

А вот рассказ жительницы деревни Константиновка колхоза имени Шевченко Александры Иосифовны Скибо:

- Где-то в сорок втором к нам, в деревню, прислали трех испанских ребят. Я в то время работала учетчицей тракторной бригады и помню, как они трудились у нас на равных, кто на сеялке, кто на согребалке, кто водовозом.

Иван Иванович Чуриков даже сохранил в памяти имена нескольких ребят, с которыми он в 44 и 45 годах учился с ними в восьмом "А" классе средней школы № 1, где ныне находится здание управления соцзащиты.

Это—Фердинанд Америго, Гарсия Хосе, Сантос Мария и Анна. Гарсия был одаренным математиком и обладал голосом Левитина. Учились все на русском, ходили даже зимой без головных уборов, в легких пальто и ботинках.

Анна Федоровна Николаева тоже училась с испанскими ребятами в девятом классе в той же школе и по сей день помнит их по именам. Это девочки Хосе Свена, Эмилия, Эльза, из мальчиков - Артура Мануэль, Эмилио, Перес, Родригес. В сорок пятом все они выехали в Подмоскowie.

А Екатерина Ефремова даже помнит песни, которые любили и распевали испанские дети, в основном русские. Вот строки одной из них: "... в белом халате, обрызганном кровью, тихо сестра подошла и сразу узнала родимого брата (красно-балтийского моряка) и тихо рыдать начала..."

Ну, а к воспоминаниям Ираиды Ивановны Соловьевой, Тамары Николаевны Новиковой (Песковой), Анастасии Семеновны Наумовой и своим остается лишь добавить, что все мы знали и помним испанского юношу по имени Хосе Коль-Гальбес, который встретил у нас в Мелеузе "сеньориту Гуапу", по-испански - красавицу Таню, племянницу нашей милой и строгой учительницы географии и истории Надежды Федоровны Хохловой. Со своей семьей он дважды выезжал в Испанию, но из-за гонения фалангистов (испанских фашистов) и отсутствия хоть какой-то работы, попрощавшись с родственниками, снова вернулся на свою, как он говорил, вторую Родину - Советский Союз. Работал на лесозаводе (ныне мебельный цех), на деревообрабатывающем комбинате, в последствии, в шестидесятых годах, затерялся.

Проходят годы, десятилетия. А в сердце каждого из нас, старожил, словно выброшенная волной на берег разбитая шляпка, всплывают в памяти встречи и общения с милыми, юными испанскими "комрадо", разделившими с нами горькую и героическую участь борцов за свободу, против фашизма. И мы, обращаясь к тому времени через десятилетия, еще раз говорим: "Мучас граспас" - большое спасибо за время, которое объединило нас, "Вива Экспринья либрэ" - да здравствует свободная Испания.

Библиография:

No passaran – враг не пройдет [Текст] / М. Г. Пильнов

// Пильнов, М. Г. Однажды... или приглашение в прошлое. – Мелеуз, 2005 . – С. 93 - 96.

**Бабенко, В. «А мамита – мама значит...» [Текст] / В. Бабенко
// Путь Октября. – 2007. – 7 июня. – С. 4.**

В 1942 году в здании Дома обороны села Мелеуз разместился эвакуированный с Украины испанский детский дом. О том времени рассказал в своей статье «NOPASSARAN! Враг не пройдет!» М. Г. Пильнов 21 января 2000 года. В год 75-летнего юбилея газеты мы решили вспомнить о событиях военных лет и обратились с просьбой откликнуться тех, кто что-либо знал об этом детском доме. Сразу же хотим поблагодарить своих читателей за их активность и стремление помочь воссоздать картину прошедшего.

...Взяв на себя заботу о детях-сиротах испанских антифашистов, Россия оберегала их в самые трудные для себя годы, не мачехой, а матерью, став для обездоленных судьбой ребятишек. И сейчас, годы спустя, не устаешь дивиться и, чего греха таить, гордиться тем, насколько богаты и щедры духовно наши земляки. Так, например, Зоя Александровна Захарова (она 1934 года рождения) рассказала как соседка, живущая на ул. Чернышевского, - тетя Маруся Кочемасова, работавшая в детском доме, каждые выходные забирала испанских ребят к себе.

- У нее было четверо ребят, у нас четверо, на улице много детей было, - вспоминает Зоя Алексеевна, - вот все вместе мы и играли. Испанцы учили нас говорить на своем языке, мы их обучали русскому. И им весело было, забывали о своем сиротстве, да и мы с интересом общались с теми, кто знает, что такое война...

Вера Иосифовна Алехина работала в годы войны учителем начальной школы. Она вспоминает: «У нас в деревянной школе до четвертого класса учились дети-испанцы. Замечательные, живые, подвижные ребята. До сих пор помню отличницу и умницу Лену Коль. Дети хорошо говорили по-русски, с ними были воспитатели-испанцы. Они разговаривали с детьми на родном языке (наверное, с тем, чтобы не забыли испанский). Приходили ученики в школу всегда очень аккуратные, подтянутые. Снабжали детский дом замечательно по тому времени. Во всяком случае, питались они лучше, чем остальные. С пятого класса ученики занимались в кирпичной школе. Малыши учились, ребята постарше, как и другие их ровесники совмещали учебу с работой: летом - в колхозах, в остальное время - на предприятиях Мелеуза.

Ю. М. Ростовцева вспоминает: «Мы жили во дворе лесозавода (в последствии мебельного цеха). Папа - Михаил Михайлович Ростовцев - был первоклассным столяром. Вот ему-то и поручили обучить специальности двенадцать испанских ребят. Долгое время в нашей семье хранилась фотография, подаренная одним из учеников с надписью: «мастеру от Хосе». Серьезные, молчаливые были ребята».

Если малыши легче сходились с людьми, то ребята постарше старались держаться вместе, кучкой. И все же открыты, добры были они на искреннюю заботу и внимание. Так, Анна Федоровна Николаева (девичья фамилия Фролова, 1927 года рождения) рассказала о том, что в 1944 году училась в девятом классе: «Класс был небольшой - девять человек. К нам привели семерых испанцев: трех девочек - Хосефина, Эмилия и Эльза Перес и четырех юношей - Адольф Артур Мануэль, Хосе Перес, Эмилио Хулио Эмилио, Родригес. Вместе мы проучились год. У испанцев была хорошая концертная бригада, и они всегда выступали на праздниках. Их отличали аккуратность и добротность в одежде. Были все они доброжелательны и общительны. Каждый день ходили на свой огородный участок, что расположен был в районе нынешнего сахарного завода. Попрощались мы в конце учебного года в 1945-м ...».

Венера Георгиевна Алеева (в девичестве Смолина) рассказала о том, что в годы войны училась вместе с испанскими детьми и дружила с Хулией и рыженькой, хорошенькой Весентой. Девочки приходили домой к Смолиным, шили на машинке немудреные девичьи наряды. В конце войны испанский детский дом уехал из Мелеуза. Но была еще одна встреча. Венера Георгиевна вспомнила, что в 1953 году вместе с мужем жила в Москве (он учился, она работала). Однажды ей позвонили, что муж с высокой температурой попал в институт Склифосовского. «Примчалась я в больницу - рассказывает Венера Георгиевна, - мечусь, места себе не нахожу. Потом села в коридоре, голову обхватила. И вдруг чувствую, меня кто-то обнимает в белом халате, прижимает к груди. Смотрю, а это моя подруга Хулия. Она тут же повела меня в кабинет, где находилась вторая моя подруга Весента. Обе они - врачи, работали в институте Склифосовского, рассказали, что Мигель (еще один наш одноклассник) - хирург. К сожалению, в скором времени мы уехали из Москвы и больше я со своими одноклассниками не встречалась».

Много интересного рассказала о ребятах-испанцах, работавших водителями, ветеран труда Клавдия Михайловна Агеева (в девичестве Посашкова). «Я была стажеркой у водителя Виктора Пастера. Живой, маленький он очень любил девушку-испанку из своего детского дома. Звали ее Лола. Вот он и напевал все: «Лола, Лиолита». И меня все просил петь русские песни. Вместе с нами работал еще Валентин Марео и высокий усатый красавец Лассон. Возили мы разный груз. В одном из рейсов Лассон (он ездил на «ЗИСе») вез семечки и в районе цыганской поляны, что рядом с Уфой, не справился с управлением и убили насмерть. Хорошие ребята были, добрые. Испанцы всегда держались вместе».

В статье М. Г. Пильнова упоминалось, что один из воспитанников испанского детского дома Приор Франц жил в поселке Тюльган. В редакцию позвонил И. Ш. Халитов. Он сообщил, что, работая в Тюльгане, был знаком с испанцем Приор Францем. Тот работал электриком, был женат на русской

женщине, имел большую семью. Приор рассказывал, что вместе с братом жил в детском доме. Затем брат вернулся в Испанию, ездил туда и Приор, но не прижился, вернулся в Россию. Мы нашли телефон одной из дочерей Приора. Она рассказала, что отец уже умер, и что о его жизни в детском доме она ничего не знает... Вот так, к сожалению, оборвалась с трудом найденная нить.

В музее г. Мелеуза нам передали копию письма, присланного 22 января 1997 года из Запорожья. Рамирес-Ревилья Педре и Пуче Кальменеро Франциска просили подтвердить, что в годы войны они вместе с другими старшими детьми-испанцами работали в летнее время на уборке на полях колхозов. К сожалению, в архиве подобная информация не обнаружена. Кстати, мы просмотрели подшивки газеты «За урожай» (так называлась наша газета «Путь Октября») за 1941-1946 годы. Информации об испанском детском доме не было никакой. Видно время было такое - боялись терактов и защищали, как могли, детский дом. Вот так. Нет документов, но жива память людская о гордых и сильных детях красной Испании.

У детской писательницы Агнии Барто есть прекрасные стихи о маленьких испанцах, и есть там такие строчки: «А мамита - мама значит». Мамой для многих испанцев стала Россия.

Лето 1941 года. В сторону Урала медленно шли поезда, пропуская воинские эшелоны с орудиями и танками. Эвакуировались заводы, институты, музеи, театры. В одном из таких поездов ехали воспитанники Московской средней художественной школы, созданной в 1939 году при художественном институте имени В. И. Сурикова, - или, как еще ее называли "Школы юных дарований", которая проработала два счастливых довоенных года в Москве, собрав действительно все таланты союза. Дети не знали, что их ждет, что с ними будет, на какое время они уезжают из родной Москвы.

Их вторым домом временно стало село Воскресенское. Около 200 учащихся в возрасте от двенадцати до семнадцати лет, семь преподавателей провели здесь два долгих, холодных военных года.

Евсеева, С. Адрес памяти – Воскресенское [Текст] : воспоминание А. В. Кузнецовой, жительницы села Воскресенское / С. Евсеева // Рампа. – 1995. - № 6-7. – С. 13-16.

1941 год, июль. Мы уже все, кому по 13 лет, работали в колхозе. Как-то вечером идём с поля, в центре Воскресенска много приезжих городских людей, в основном детей и подростков. Первое впечатление — все хорошо одеты, красиво причёсаны, ухожены. Они разошлись по всему селу, встретить их можно было на каждой улице. Было их сто пятьдесят человек, для села это много. Мы с интересом рассматривали их красивые платья, шляпки. Потом узнали — приехала Московская художественная школа. Летом москвичи выглядели красиво, но наступила осень — у них стал совсем другой вид: некоторые уже ходили в ступнях, замотанные шарфами. Запомнилось, как мы, тринадцати-четырнадцатилетние сельские ребята, ходили петь в хор, которым руководил преподаватель эвакуированной школы. Был у них свой баянист. Готовили мы концерт к Новому 1943 году. Спели несколько песен, потом нас пригласили к новогоднему столу — для нас это было удивительно!

Стены всех классов и коридоров были завешаны работами, рисунками. Там были пейзажи, виды Воскресенска, портреты и разные сценки. Конечно, мы, молодёжь, с интересом смотрели на москвичей, общались с ними и пытались что-то перенять, в чём-то подражать им. Влияние московских художников на нас, сельчан, было очень заметным. И когда они уехали, о них помнили в Воскресенском всегда.

К началу войны, юные художники, как и все дети разъехались на каникулы. Война застала кого где: кто-то был дома, кто-то в лагере, кто-то в гостях у бабушки в деревне, и куда эвакуировалась школа, знали не все. Многие из них самостоятельно добирались до Воскресенского.

Ткачев, А. П. Вот так начиналась моя Воскресенская жизнь [Текст] / А. П. Ткачев // Юный художник. – 2009. - № 11. – С. 15.

А Ткачев. Пейзаж. Масло. 1940-е

...Шел 1942 год, на фронтах положение тяжелое, там воевали три моих брата - Серафим, Сергей, Василий. Я в это время щупленький, хилый пацан собрался в дорогу дальнюю, дорогу трудную и долгую. За время моего пути до школы сделал более десятка пересадок, ночевал, где попало, ел что попадет. Но у меня была большая цель - еду учиться, а когда есть цель, все преграды нипочем. Я ехал к друзьям, заниматься любимым делом. И вот, наконец, Мелеуз, дальше ни поезд, ни автобус не идет. Двадцать пять километров надо идти пешком. Было воскресенье - базарный день. Я потрясен был увиденным: лохматые лошадки, башкиры в национальных костюмах, мужики-бородачи, телеги,

набитые разным товаром - сплошное потрясение. И сразу мысль - приеду на место, сделаю композицию. От реки до реки, от моста до моста, по пыльной дороге со своим нехитрым скарбом приближаюсь к заветной цели. Переехав на пароме через Нугуш, вдруг усомнился - туда ли я вообще еду. На повороте дороги навстречу идет группа мужчин - кто в шляпе, кто в лаптях, кто в одних калошах. Это были учителя из МСХШ, которые из Воскресенска шли пешком на базар в Мелеуз, которые и указали мне дорогу. К Воскресенску подходил уже к вечеру, вернее, не шел, а летел. Солнце садилось за горизонт, стадо возвращалось в село, коровы мычали, чувствуя приближение деревни.

Я шел и не спрашивал, где школа – ноги сами меня несли в нужном направлении. В конце концов я прибыл в общежитие. Первыми, с кем встретился, были братья Тутуновы, Сергей и Андрей. Неожиданно почувствовал такую усталость, что, как мертвый, рухнул на кровать одного из братьев и проснулся ровно через сутки. Наскоро покушав. Пошел с этюдничком бродить по окрестностям и написал свой первый башкирский этюд, который храню и поныне как бесценную реликвию.

Село Воскресенское – районный центр, в середине села площадь,

которую обрамляли райком партии, детдом и церковь. Поодаль стоял старинный сталелитейный заводик – пугачевских времен. Вот так начиналась моя Воскресенская жизнь. Хоть и коротким был это период, но очень значительным. Сыгравшим важную роль в становлении меня как художника. Такого творческого подъема, как в башкирский период, школа больше никогда не знала. То, что мы получили там, стало фундаментом многих из нас на всю жизнь.

Как все, они хотели приносить реальную пользу своей Родине и страстно мечтали стать настоящими художниками!

Баранова, Е. Стало селение символом Отечества [Текст] : отрывок из письма отцу Наташи Сапожниковой, учащейся эвакуированной школы / Е. Баранова // Республика Башкортостан. – 2009. – 11 февраля. – С. 3

«Дорогой папочка! Живем мы в колхозе. Здесь у нас наиболее взрослые ребята молотят хлеб, соломой занимаются. Мы с Веркой как белки в колесе. Встаем в шесть утра, кормим своих тружеников завтраками, моем посуду, все чистим, убираем помещение... Знаешь, папочка, я горжусь собой и своими друзьями. Ведь раньше я еще никому не приносила пользы, а тут мы немалые дела делаем. А мамка наша, хоть и художница, решила не работать в школе. Она теперь на фабрике в Воскресенском — выпиливает и шлифует лыжи для фронта».

Всё в Воскресенском, его история, связанная с Крестьянской войной и именами Емельяна Пугачева, Салавата Юлаева, живописнейшие места у Синих Венцов, женщины в сарафанах старинного покроя, избы, резные наличники, сбруя для лошадей, телеги, колодцы, архитектура старых построек медеплавильного завода, церкви и даже местный говор — способствовало формированию не только художников, но и характеров юных граждан. К тому же война обострила чувства детей: много работали, трудились вопреки всему.

Евсеева, С. Адрес памяти – Воскресенское [Текст] : воспоминание А. П. Ткачева, ученика эвакуированной школы / С. Евсеева // Рампа. – 1995. - № 6-7. – С. 13-16.

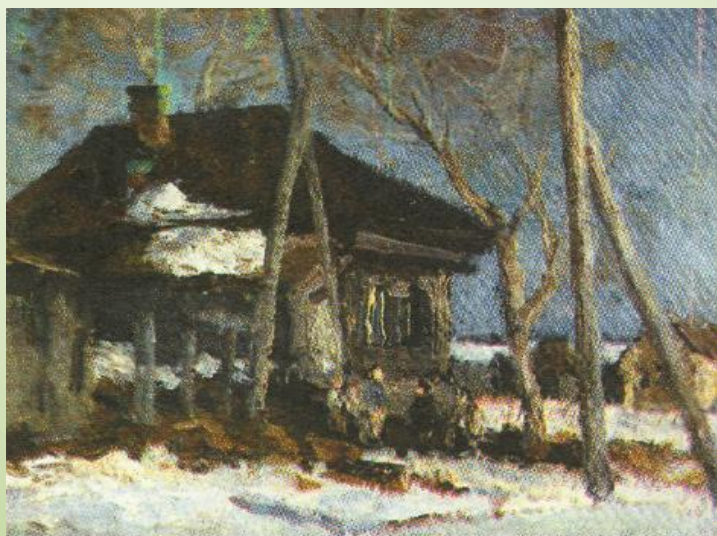
Холодной и суровой была осень 1942 года. Выпал ранний снег. На полях остались неубранными подсолнухи, картошка. Райком партии попросил школу помочь колхозу. Это было привычным делом. Многие из нас приноровились косить, выполнять другие сельскохозяйственные работы.

Это было трудное время: стояли особенно холодные зимы, не хватало еды. Но начинающие художники работали много и увлеченно.

Все в этом селе дышало стариной: дома, сарай под лубком, наличники, убранство лошадей люди и их одежда — словно дошли нетронутыми из 18 столетия.

Педагоги задавали своим ученикам композиции на темы истории, которые с особым интересом выполнялись. Воспитанники школы с упоением рисовали все, что видели вокруг, организовывали выставки, ходили работать в колхоз, дружили с деревенскими детьми.

Евсеева, С. Адрес памяти – Воскресенское [Текст] : воспоминание И. С. Симанчука, ученика эвакуированной школы / С. Евсеева
// Рампа. – 1995. - № 6-7. – С. 13-16.

Шегаль Г.М. По первому теплу. 1942 Картон, масло

... Началась учёба, трудная, бедная. Не было холстов — приспособились к «местной продукции». Небольшая фабричка в Воскресенском выпускала немудрёную мебель, лыжи. Вот изделие одного из цехов — коричневатый ноздреватый картон — и наловчились грунтовать под масло. Недоставало и картона — тогда слоями склеивали газеты, листы бумаги... катастрофически не хватало красок.

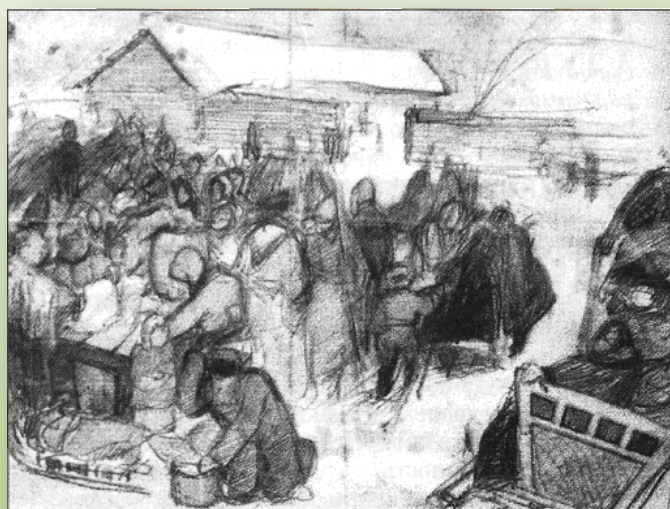
Занимались все очень старательно: не ропща, писали простенькие натюрморты,

постигая красоту в обыденном. Если только позволяла погода, выбирались на натуру.

Помня рассказы о суриковских этюдах и набросках, ходили ребята по домам, рисовали кряжистых бородачей — потомков пугачёвцев, женщин в сарафанах старинного покроя, избы-пятистенки, резные наличники, кухонную утварь, сруи и хомуты, телеги и колодцы. Было написано много детских портретов, пейзажей, набросков...

Две холодные военные зимы, прожитые в уральском селе Воскресенское, стали определяющими в творческом становлении более 150 юных дарований, в понимании ими истинных жизненных ценностей, способствовали раскрытию их таланта. Не случайно, что первые выпускники МСХШ 40-х годов вписали яркую страницу в изобразительное искусство нашей страны послевоенного времени и стали классиками российского изобразительного искусства: В. Гаврилов, В. Иванов, Г. Коржев, П.Оссовский, В. Стожаров, А. Тутунов, А. Горский, И. Сорокин, И. Попов, А. Марц, В. Бабицын, А. Ткачев, П. Никонов, С. Кусков, Б. Немечек, И. Архипов, Н. Терещенко, Н. Гольц, К. Власова, Н. Воробьева, Р. Кобозев и многие другие. Служение искусству стало главным и в жизни В. Пурыгина, Р. Столярова, Л. Шитова, О. Буткевича, Т. Скородумовой, Т. Лившиц, К. Бахтеевой, Л. Котлярова, В. Меньшикова, П. Бунина, Р. Максютובה, В. Дворецкого, Н. Гончарова, Н. Сапожниковой, И. Аристовой и многих-многих других.

Евсеева, С. Адрес памяти – Воскресенское [Текст] : воспоминание Г. М. Коржева, ученика эвакуированной школы / С. Евсеева // Рампа. – 1995. - № 6-7. – С. 13-16.

Г. Коржев. Базар. Село Воскресенское. Карандаш. 1941-1942.

Школа с детства привила любовь к окружающему миру, к жизни простого человека. Исключительные обстоятельства в судьбе страны приблизили нас к родной земле, сроднили с людьми труда. В селе Воскресенском мы переживали тяготы и лишения военных лет. И вопреки всему много рисовали и писали. Вместе с непривычным укладом в жизнь вошло и другое, неизвестное городским девочкам и мальчишкам: запах земли и сена, лошади, зипуны, лапти, весенние крики грачей... Внимание и любовь к действительности перешли потом

в наши работы, навсегда определили предмет творчества. Жизнь — единственный источник искусства! — вот главный завет школы...

Уже тогда в занесенном снегом, затерянном в бескрайних башкирских просторах селе, московские мальчишки и девочки предопределили свою будущую роль, свою ответственность перед людьми, давшими им возможность учиться, учиться рисовать. Это просматривается сегодня в потемневших от времени портретах, пейзажах, композициях, которые поражают живой непосредственностью восприятия мира, верностью натуре. Увиденной и воплощенной правдой.

Меос, В. Жемчужина на речке Тор [Текст] / Владислав Меос; фото В. Шибаевой // Истоки. – 1995. - № 6. – С. 10

В. Меос. На реке Тор

Любовь к родной земле неотделима от исторического прошлого народа. Село Воскресенское Мелеuzовского района было свидетелем народного восстания под предводительством Емельяна Пугачева. Сегодня о событиях тех далеких лет напоминает насыпной вал у речки и полуразрушенные Медеплавильный завод и обезглавленная церковь, в которых бывал Пугачев.

Там мною написаны работы «Пугачевская дорога», «Воскресенский вал. Вечер». «На речке Тор», «Воскресенская улица» и другие. Ряд работ находится в художественном музее имени М. В. Нестерова, а несколько работ переданы в Воскресенскую картинную галерею. В этих пейзажах хотелось увидеть не только красоту русского села на Урале, но и ощутить, почувствовать связь времен.

Красивое здание из красного кирпича с арочными окнами, стоящее на берегу речки Тор, дивно разливающейся по весне, пришло к нам из прошлого. Но здание это, родившееся как бы во второй раз военным летом 1941 г., куда была эвакуирована Московская средняя художественная школа, является памятником войны. Через три десятилетия после войны в этом уютном здании, притулившемся под лесистой горой и давшем приют тем давним ученикам, ныне ставшими известнейшими художниками страны, была создана картинная галерея в благодарность республике и селу Воскресенскому за теплый очаг и спасение в военное время.

И не случайно, спустя годы, шлют в село теплые приветы теперь известные мастера российского изобразительного искусства В. А. Бабицын, Р. А. Кобозев, Н. Д. Воробьева, К. Ф. Власова, В. И. Иванов, Г. М. Коржев, П. Оссовский, Л. А. Шитов, А. А. Тутунов, Н. Г. Гольц, Р. С. Затуловская и многие другие.

**Стихи к рассказу о войне [Текст] / материал подготовила Е. Баранова
// Путь Октября. – 1995. – 25 марта. – С. 3.**

...За 12 лет переписки с живописцами, графиками, скульпторами Москвы мне довелось получить от них многочисленные письма, полные благодарности, трогательных воспоминаний. Из писем, каталогов, книг, фотоснимков, встреч в Москве и в Воскресенском из года в год складывается летопись их жизни и творчества, в том числе глубоко значимого в творческой судьбе периода эвакуации.

В одном из писем были и стихи... Их автор - московский художник Николай Федорович Гончаров (в Воскресенской картинной галерее экспонируется его работа «Москва. Зарядье. VII век». 1965 г.).

Предлагаю читателю фрагменты этих поэтических воспоминаний:

... Началась война.
Налеты на Москву, пожары...
В это время школа помещалась
На горке, на Цветном бульваре.
.. Шли эшелоны на восток
И день, и два, и три подряд.
И поезд наш едва волок
Худых теплушек целый ряд...
.. Вот Воскресенское село.
Куда войной нас занесло.
Сначала размещались в школе.
Ходили в дождик в чисто поле.
Снопы носили и солому.

Сбирали мокрую полову,
Подсолнухов срезали шляпки,
Чтоб погрузить в телегу бабке...
Пришла зима, и педсовет
Переселил нас в райсовет.
... Работали упорно, много
С раннего утра.
В далекой той Башкирии
Ковались мастера.
Зимой в трескучие морозы
Мы в лес ходили по дрова
За Тор на Синие Венцы.
А ночью, что нам, трын-трава,
Тащили плашки сорванцы.
Бревно от старого сарая,
Чтоб райсовет нагреть до рая...
Но жгучие морозы
Сменились потеплением.
И засияло солнышко,
Настали дни весенние.
И высыпал на улицу
Талантов целый рой.
Сидят, кто под забором,
А кто и под горой.
И все рисуют, пишут
Этюды на картонках.
И красок маловато,
Картон уж очень тонкий.
... Наш интерьер - все в тесноте:
Вот здесь кровать, а тут топчан.
И не понятно, что и где:
Холсты, этюды по стенам,
Ведро в углу и рукомойник.
Дрова, одежда, чьи-то шапки...
И всюду краски, краски, папки...
Пластинки, старый патефон.
По вечерам выводит он
Вадима Козина, Утесова.
И тут же Гегеля философа
Читает юный пейзажист...
... Минули радости, невзгоды
И воскресенские те годы.
Мы стали собираться в путь...
Еще напишут как-нибудь
О жизни нашей воскресенской
Хороший и правдивый труд,
Не как писал писатель н-ский...
Ужасно стосковались все
По нашей матушке-Москве
И по любимым мамам тоже,
Которые всего дороже.
... Опять вагонов умный ряд
Теперь места уже в плацкарте.

Считали станции подряд.
Смотрели путь по старой карте:
Уфа и Пенза, там Рязань,
Коломна, дачи в Подмосковье...
Осталась вдалеке Казань.
И вот платформы уж в Кускове.
А вот он, Курский наш вокзал.
И паровоз свистнет..., устал...
... Я не был там пятьдесят уж лет!
Наверно, много изменилось,
Наверно, новый райсовет
Такой, какого и не снилось.
Прошло теперь уже полвека,
Как возвратились мы в Москву
И видим образ Воскресенска
Теперь во сне, не наяву.
Наверно, это сохранится
Еще на долгие года...
И в Воскресенске, и в столице
Теплом тем живы мы всегда...

...я бежала по улице, к бабушке, стучала во все окна и всем говорила: «Война кончилась! Война кончилась!». Это была большая, всеобщая радость!....

Вохмина (Пескова), М. Ф. А память возвращает нас в детство [Рукопись] : / М. Ф. Вохмина (Пескова); записала Т. Н. Абрамова. – Мелеуз, 2010. – 1 с.

У нас дома было радио – знаменитая «тарелка». Рано утром мы услышали сообщение об окончании войны. Я бежала по улице, к бабушке, стучала во все окна и всем говорила: «Война кончилась! Война кончилась!». Это была большая, всеобщая радость. Люди вывешивали на домах красные флаги. Чаще всего это были: просто лоскут красной ткани или красная рубашка.

...Я в поле бороновал, в полдень на лошади поехал в деревню на обед. А вся деревня шумит отовсюду слышно «Война кончилась!»

Гребенников, С. И. Трудные дни детства [Рукопись] / С. И. Гребенников. – Мелеуз, 2010. – 1 с.

Родился я 14 ноября 1928 года, в деревне Денисовка Мелеузовского района восьмым ребенком.

Отец - Гребенников Иван Наумович умер в 1933 году.

В 1936 году я пошел в первый класс Денисовской начальной школы. Когда окончил четвертый класс, сдал документы в школу в селе Богородское. Но жили мы очень бедно, и идти в школу мне было не в чем, поэтому мое образование на этом и закончилось.

Мать – Гребенникова Варвара Григорьевна (в девичестве – Числова) очень болела, и мне пришлось идти работать. В колхозе дали тройку лошадей. Доводилось и пахать, и сеять, и бороновать. В колхозе я проработал до 1949 года. А в 1949 году был призван на службу в армию. После демобилизации в 1952 году перебрался из колхоза в Мелеуз. Здесь я всю жизнь работал на железной дороге.

Хорошо помню самый радостный день в жизни. Я в поле бороновал, в полдень я на лошади поехал в деревню на обед. А вся деревня шумит отовсюду слышно «Война кончилась!». Люди и радостные и печальные: ведь не всем суждено было встречать с войны родных. Так наступил долгожданный день победы.

...Въезжая на хутор он кричал: «Мир! Мир! Война закончилась!». Все жители радовались!...

Шлыкова, Н. Ф. В колхоз пошла я в десять лет [Рукопись] : воспоминание / Н. Ф. Шлыкова (в замужестве Смирнова); записала Т. Н. Абрамова. – Мелеуз, 2010. – 1с.

Родилась я на хуторе Тор, Воскресенского района, в 1930 году. Мой отец Шлыков Федор Степанович умер в 1939 году. Моя мама Шлыкова Александра Семеновна всю жизнь работала в колхозе.

В первый класс я пошла в 1940 году. Ходить приходилось примерно три километра в соседний хутор Благовещенский, нашего Воскресенского района, там я проучилась два класса, а в 1942 году у мамы и отчима родилась дочка, и мне пришлось ее нянчить. Так что школу я пропустила. В третий класс я пошла уже у нас на хуторе, в одном доме была выделена комната под начальную школу. Здесь я закончила четыре класса, и больше учиться мне не довелось. В летнее время обязательно ходили работать в колхоз, там мы – дети пололи, помогали сажать и убирать урожай. Ведь почти все работы делались вручную.

Помню начало войны. Наш сельский совет находился километрах в шести от нашего хутора. Вот из сельского совета верхом на лошади прискакал мужчина он и сообщил о начале войны. Началась мобилизация. Наши хуторские мужчины отправлялись на фронт, и уезжали всегда ночью.

День 9 мая 1945 года с утра был пасмурный. Потом пошел дождь. У нас на хуторе жили командированные приволжские немки – они работали на сплаве леса. Их контора находилась в Ишимбае, и именно в этот день оттуда, к ним приехал мужчина. Въезжая на хутор он кричал: «Мир! Мир! Война закончилась!». Все жители радовались такой новости, но многим было грустно, потому, что они уже знали, что их родные никогда не вернуться домой.

Это всего лишь несколько страниц жизни мелеузовских детей и подростков, ваших бабушек и дедушек из тех тяжелых тысячи четырехсот восемнадцати военных дней.